

— ДАРЬЯ ВЕНСАН —

ИСТОРИЯ ОДНОЙ

игрушки

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Дарья Венсан

История одной игрушки

<https://litres.ru/74372058>

SelfPub; 2026

Аннотация

У Хлои есть всё: громкое имя, власть и место главного советника Сатаны. Но нет главного — жизни, которую она могла бы назвать своей. Три тысячи лет она мечтает попасть в школу ангелов и демонов, где другие дружат, ошибаются и влюбляются. Когда мечта наконец сбывается, Хлоя оказывается частью игры Чумы: у каждого должна быть своя «игрушка». Ей достаётся Астарот — тот, для кого чувства всегда были развлечением. Но кто из них первым перестанет считать это игрой?

Содержание

Глава 1. Рутина, что так утомляет	4
Глава 2. Птенчик	25
Глава 3. Чумной бал	46
Глава 4. Битва за свободу	70
Конец ознакомительного фрагмента.	88

Дарья Венсан

История одной игрушки

Глава 1. Рутинa, что так утомляет

Song для атмосферы: PHARAOH & I61 — 1-800-Siemensixone

Двери захлопываются. Жадно вдыхаю свежий воздух, которого так не хватало последние несколько часов. Дышу глубоко, почти до боли в лёгких. Летняя вечерняя прохлада касается разгорячённой кожи, поднимая по ней мурашки. Наконец вокруг тишина. Никаких чужих глаз, никаких лишних ушей. Шумная тусовка остаётся где-то позади; оттуда едва долетают грохот музыки и всплески компанейского смеха. Я так устала от всего этого... Последние дни слились в одну бесконечную череду вечеринок. Беззаботных, безобидных — и почему-то выматывающих сильнее любой адской рутины.

Смотрю ему в спину и гневно выплёвываю:

— Ты знал, что вёл себя как кретин?

Едва перевожу дыхание, смахивая с лица прилипшие пряди. Останавливаюсь на лестнице и опускаюсь на одну из ступеней, всем видом показывая, что дальше за ним не пойду. Мне надоели эти игры. Волосы слиплись от пота, под глаза-

ми растеклась тушь — сейчас я больше всего напоминаю измученную панду. Ноги едва слушаются. Я обессилена, обезвожена и до отвратительного уязвима. Потрёпанная кукла, которой наигрались и бросили. А ему, кажется, совершенно всё равно.

— Да, моя милая, — приторно проговаривает Астарот, чуть прищурившись. Его ухмылка привычно бьёт куда-то под рёбра. Этот мерзавец умеет причинять боль даже тогда, когда просто смотрит на меня. Особенно тогда, когда смотрит именно так.

Неужели? В самом деле?.. Не выдерживаю и усмехаюсь из последних сил. Внутри всё переворачивается, меня мелко трясёт, и холод здесь ни при чём. Скрещиваю руки на груди. Нет. Так больше продолжаться не может. Я не позволю ему обращаться со мной как с вещью. Вставляю сигарету между губ и щёлкаю пальцами. На кончике указательного вспыхивает пламя. Прикуриваю и жадно затягиваюсь дымом, обманывая себя мыслью, что сейчас станет легче. Всегда считала слабыми тех, кто ищет спасения в этой дурной привычке. Забавно, что я даже не заметила, когда сама оказалась среди них.

— Я хочу выйти из этой игры. Геймплей наскучил, — произносит метис, прикусывая нижнюю губу и виновато отводя взгляд. *Это моя фишка, сукин ты сын...*

Пользуюсь моментом и оглядываю Астарота с ног до головы. До чего же он... притягателен. Ненавижу. Ненавижу

это его обаяние и то, как легко оно каждый раз выбивает у меня почву из-под ног. *«Геймплей наскучил...»* — да что ты знаешь о серьёзных играх, мальчик? Я молчу. С губ Астарота срывается короткий нервный смешок, будто следующие слова он успел несколько раз проговорить про себя, прежде чем решился сказать вслух:

— Ты больше не моя игрушка, Хлоя. Прости.

До всего этого стоило мне лишь заговорить о школе ангелов и демонов, как я неизменно слышала одно и то же: мне это не нужно, это не для меня.

— Но... — возмущённо тяну, всё ещё надеясь хоть как-то повлиять на услышанное.

— Хлоя, — мягко произносит мама. Она смотрит так нежно и заботливо, будто пытается заглянуть куда-то глубже моих слов. Невольно задерживаю на ней взгляд. Те же серые глаза, похожая линия скул — в её лице слишком много знакомого, чтобы долго злиться. — У Мими ветер в голове. Ей школьная программа необходима.

Мама берёт меня за запястье и большим пальцем поглаживает тыльную сторону ладони, словно это может сделать её слова менее обидными:

— Твой потенциал не нуждается в школе.

— Мне перевалило за три тысячи, мама! — Обиженно высвобождаю руку. Для смертных эта цифра звучала бы как древность, но бессмертные взрослеют иначе. По нашим мер-

кам я лишь переступила порог взрослой жизни; на Земле мне по внешности дали бы около двадцати четырёх. Только вот за свои три тысячи я успела стать советницей Сатаны, но так и не успела научиться самому простому. — Я всё ещё не знаю, каково это: дружить... любить.

Отвожу взгляд. На глаза наворачиваются слёзы, и я торопливо прячу их, пока мама не заметила. Я устала. Хочу быть как большинство бессмертных: ходить в школу, ошибаться, учиться, падать и взлетать, любить и... ненавидеть? Хотя бы иметь право самой узнать, что из этого мне подходит.

Решение родителей не даёт покоя. Почему Мими можно, а мне — нет? Почему для неё школа необходимость, а для меня — прихоть? Мне хочется провалиться сквозь землю от этой вопиющей несправедливости, но толку от жалости к себе немного. Вернее, никакого.

Скоро в школе каникулы. Мне бы увидеть Мими, но даже это нельзя. Родители навещают её сами, а после пересказывают мне школьные истории, словно невзначай сыпят соль на рану. Я люблю сестру до безумия, и именно поэтому без неё особенно остро чувствую одиночество. В детстве нас было не разнять. Теперь между нами будто выросла стена, которую я даже не понимаю, как перелезть.

Около двух тысяч лет назад

Мими неуклюже догоняет меня и с разбега падает в объятия. Мы смеёмся без остановки и корчим друг другу рожицы, будто соревнуемся не в беге, а в самом нелепом выраже-

нии лица:

— Хлоя! — Мими сверкает серыми глазами, точно такими же, как у меня, и широко улыбается. Между маленькими молочными зубами мелькают едва заметные щербинки. — Ты будешь самой красивой девочкой в школе!

Улыбаюсь сестре в ответ. У меня детская улыбка уже понемногу меняется: на месте выпавших молочных зубов успели вырасти постоянные. Рядом со мной Мими всё ещё кажется совсем малышкой, хотя разница между нами никогда не ощущалась такой уж большой. Пока другие братья и сёстры способны перессориться из-за любой мелочи, мы с Мими делимся всем. Я старшая — значит, должна быть рядом, помочь, прикрыть, если понадобится. Для меня это всегда казалось таким же естественным, как дышать.

— Только после тебя, малышка, — смеюсь я. — Побегали наперегонки?

— Кто последний, тот в школе не нуждается! — Мими вскакивает и готовится к старту. — Он и так проиграл!

Усмехаюсь и встаю в стойку.

На старт...

Пальцы сильнее сжимаются в кулаки.

Внимание...

Невольно щурюсь. Перед глазами — только дальняя стена в конце коридора.

Марш!

Мими срывается с места и несётся изо всех сил, будто у

дальней стены её ждёт не простая победа, а целый ящик модных кукол, которыми папа любит заваливать нас по праздникам. Тёмные, почти чёрные волосы разлетаются вокруг лица, но сестра даже не замечает. Я могла бы обогнать её за несколько секунд. Вместо этого понемногу сбавляю шаг. Я выше на целую голову и бегаю быстрее — так какой смысл отнимать у неё эту маленькую победу? Она ведь потом мне жизни не даст.

— Я выиграла! — ликует Мими, первой касаясь стены. Она поворачивается ко мне, и в широкой улыбке снова показываются маленькие молочные зубы. — Хлоя, я поступлю в школу!

Я улыбаюсь ей в ответ. Тогда мне ещё казалось, что вслед за ней туда обязательно попаду и я.

Зеркало возвращает мне привычное лицо. Длинные русые волосы рассыпаются по плечам, почти растворяясь в бледном свете за окном. Серые глаза смотрят спокойно — слишком спокойно для той, кто несколько минут назад едва не расплакалась перед матерью. Высокие скулы, прямой нос, пухлые губы и тёмная родинка слева над верхней губой — всё знакомо до последней черты. Только сегодня отражение почему-то кажется чужим. За спиной медленно расправляются огромные перьевые крылья насыщенного лилово-малинового оттенка. Слишком яркие для Ада. Слишком живые для той монохромной брони, в которую я привыкла себя за-

пирать.

Школа мне, видите ли, не нужна. Зато холодный рассудок без всяких экзаменов и наставников оказался достаточно хорош, чтобы отец когда-то предложил мне место рядом с Сатаной. Теперь я — дочь высокопоставленного демона Маммона и главный советник правителя Ада. Звучит впечатляюще. Ещё впечатляюще звучит то, сколько бессмертных готовы отдать что угодно за такую власть. Только никто почему-то не предупреждает, как быстро власть превращается в рутину. За окнами всё тот же Ад: сухой жар, способный за мгновения обжечь смертного, беспокойное чёрное небо и огненно-красные облака. Солнце здесь не нужно — его заменяет пламя, будто просачивающееся сквозь трещины самого небосвода. Оно не согревает, лишь напоминает, что прохлада в этих краях почти роскошь. И никакого горизонта: куда ни посмотри, пространство тонет в красноватой дымке. Здесь не бывает ни дня, ни ночи. Только бесконечное продолжение одного и того же.

Любой другой демон продал бы душу ради моей должности. Интересно, согласился бы он, узнав, что вместе с ней получает вечное заточение в Аду? Как же здесь, чёрт возьми, скучно. Не понимаю, от чего — или от кого — так усердно прячут меня родители. Время мирное. А мне до дрожи хочется на свободу.

— Хлоя, тебя вызывает Сатана, — осторожный женский голос вырывает меня из мыслей. В дверном проёме стоит

хрупкая рыжеволосая Лилит. И как только я не услышала её стука?.. — У врат ждут новоприбывшие.

Раздражённо вздыхаю, накидываю тяжёлый чёрный плащ из фактурной кожи, освобождаю волосы из-под воротника и направляюсь к выходу.

— Благодарю, Лилит!

Жена Сатаны всегда вежлива со мной. Она дружит с мамой и искренне восторгается моей работой — иногда даже больше, чем я сама. Особенно больше, чем я сама. Мне бы расширять кругозор, видеть новые места, наконец выбраться за пределы Ада, а вместо этого каждый день повторяется почти до мелочей.

И всё же стоит мне выйти в коридор, как привычная маска возвращается на место. Спина прямая, подбородок чуть выше. Каблуки кожаных ботфортвов звонко отбивают шаг, и разговоры вокруг один за другим стихают. Кто-то отступает к стене, кто-то склоняет голову, кто-то торопливо отводит взгляд. Охрана открывает тяжёлые металлические двери ещё до того, как я успеваю приблизиться. Здесь не нужно напоминать, кто я. Достаточно пройти мимо. За дверями Сатана задумчиво постукивает пальцами по столу.

— Господин, — произношу я, опускаясь на одно колено. Кожа чёрных перчаток тихо хрустит на сжатом кулаке. — Вызывали.

Сатана усмехается. Я давно научилась считать это приветствием. С Люцифером, правда, подобные любезности рабо-

тают иначе: собственному сыну правитель Ада куда охотнее раздаёт язвительные замечания, чем должности и похвалу.

Поднимаюсь, расправляю плечи и, едва заметно встряхнув крыльями, встречаюсь с Сатаной взглядом.

— Нужно принять очередную порцию бывших смертных, — произносит он, кивая в сторону врат Ада. — И да, тут завалилось письмо для тебя.

Сатана роется во внутренних карманах пиджака, а у меня на несколько секунд будто отключаются все остальные мысли. Я раз за разом отправляю обращения в Цитадель, спрашиваю о свободных местах в Совете, прикладываю ведомости и рекомендации — и раз за разом получаю тишину. Если родители не собираются пускать меня в школу ученицей, должность в Цитадели остаётся едва ли не единственной законной лазейкой из Ада. Значит ли письмо, что наконец появилось место? О, милостивый Шепфа...

Протягиваю руку к большому обугленному конверту. Алая печать с эмблемой Цитадели надёжно скрывает то, ради чего я готова забыть даже о новоприбывших в Зале Осуждения. Пальцы уже почти касаются бумаги, когда Сатана отдёргивает руку.

— Но-но, — произносит он, сдвигая сигару к уголку рта. — Сначала идеально проделанная работа, а уже потом свои прихоти.

Каждое слово он отчеканивает с той ядовитой издёвкой, которая особенно хорошо удаётся только Сатане, а затем вы-

пускает мне в лицо клуб дыма. Морщусь и отмахиваюсь от едкого запаха. Спорить бессмысленно. Разворачиваюсь на пятках и иду к воротам Ада, заставляя себя вернуться в рабочее состояние. За стенами кто-то кричит — я даже не поворачиваю головы. Если останавливаться на каждом крике в Аду, до работы никогда не доберёшься. Стража склоняет головы, когда я прохожу мимо. Дальше тянется длинный тёмный коридор — единственное место здесь, где воздух способен хоть немного холодить кожу. Пахнет сыростью, мокрым камнем и металлом. При каждом моём шаге на стенах один за другим вспыхивают бездымные факелы. За спиной размеренно шагают стражи. Цоканье моих каблуков и шелест кожаного плаща давно стали для этих коридоров таким же привычным звуком, как чужие крики.

В конце коридора открывается Зал Осуждения — не самый огромный зал Ада, но достаточно большой, чтобы чужой страх успевал разрастись в нём до размеров катастрофы. По устройству он напоминает старый Колизей. Внизу — холодная каменная площадка для новоприбывших, наверху — балкон, опирающийся на две широкие, изъеденные временем колонны. Камень на них давно облупился, в трещинах темнеет влага. Где-то в глубине бесконечно падают капли, и каждый удар о пол возвращается эхом. Здесь бывшие смертные узнают, что будет с ними дальше. Молодые и перспективные иногда получают шанс попасть в школу ангелов и демонов непризнанными. Остальных ждёт то, что заслу-

жила их прожитая жизнь: служение Аду или вечное заточение. Решение зависит от возраста, поступков, кармы и того, какую пользу душа ещё способна принести. Шанс на школу ничтожно мал. Правила суровы, спорить с ними бесполезно. Таков порядок.

Моё место — наверху, на костяном троне. Когда-то я принесла сюда пурпурную подушку: не ради красоты, а ради спасения собственного сидалища после нескольких часов суда. На втором уровне относительно безопасно, хотя особенно отчаянные смертные порой пытались карабкаться по колоннам, чтобы добраться до советника, вынесшего им приговор. Поэтому по обе стороны от меня всегда стоит охрана. Тех, кто решается напасть, отправляют в камеры, где один и тот же кармический кошмар повторяется снова и снова. Души быстро сходят с ума и начинают молить о пощаде. Ад вообще умеет быть изобретательным. Мы пытаем и мучаем, но не убиваем — мёртвых, как ни странно, убивать уже поздно.

В центре зала на коленях ждут новоприбывшие. Незвестность уже делает половину работы за нас. Кто-то мечется нагишом из стороны в сторону и без остановки читает молитву, кто-то рыдает навзрыд, кто-то сидит неподвижно, будто сил на страх уже не осталось. Последних я обычно выслушиваю первыми.

— Благодарю, — киваю охраннику, который придерживает подол моего плаща, пока я усаживаюсь на костяной, чёрт его побери, трон. Снимаю перчатки и кладу их точно на ле-

вый угол стола. Маленький ритуал, который я соблюдаю уже не первую сотню лет: смертных я сужу голыми руками. — Можно начинать.

Стража молча кивает. Следом зал пронзает низкий протяжный гул, похожий на рёв кита. Этот звук не спутаешь ни с чем: он проходит сквозь тело и будто вибрирует внутри костей. Для новоприбывших он становится первым настоящим доказательством того, что прежняя жизнь закончилась. «За какие грехи я здесь?» — почти всегда читается на их лицах ещё до того, как кто-то успевает открыть рот.

Когда гул стихает и сотни глаз устремляются на балкон, я поднимаю руку. Зал постепенно замолкает.

— Добро пожаловать, новоприбывшие, — произношу властно и холодно. — Вы находитесь в Зале Осуждения. Здесь будет определена ваша дальнейшая судьба. Всё решит пройденный вами путь: у ног Сатаны преклонитесь или же в вечном заточении сгниёте.

Внизу мгновенно поднимается волна криков. Вопли, всхлипы, чей-то хриплый рёв. Страх. О, как же легко они до него доходят. Никто не решается заговорить со мной без разрешения: подобная дерзость считается нарушением устава и редко делает приговор мягче. Обычно достаточно посмотреть на того, кто всё-таки рискнул, чтобы остальные снова вспомнили о правилах.

Из толпы моё внимание привлекает темноволосая девушка. Она уверенно делает несколько шагов вперёд, но глаз на

меня не поднимает. Запястья окованы тяжёлыми кандалами. Цепи говорят о причине смерти раньше, чем она успевает представиться: жизнь оборвалась по собственной воле. Суицид.

В свете факелов её кожа кажется почти белой. Тёмные волосы ложатся на цепи, сложенные у живота, а по рукам тянутся татуировки. На них я и задерживаю взгляд.

— Натали Бруно, — представляется девушка, по-прежнему не глядя на меня.

Хорошо. Значит, хотя бы основы ей известны. В Зале Осуждения опущенный взгляд считается знаком уважения к советнику — и даёт подсудимому больше шансов быть выслушанным до конца.

— ...Наркоманка. Врачи не раз боролись за мою жизнь, но в этот раз не успели. Жила скромно, писала картины и продавала их за гроши. На собранные деньги покупала наркотики — и так по кругу...

Уголок губ невольно ползёт вверх. Постукиваю ногтями по костяному подлокотнику.

— Пребывая в коме, ты уже была здесь, не так ли? Иначе откуда знаешь, что представляться нужно первой?

Она наконец поднимает голову. Вот оно. Мелькнувшее в зелёных глазах удивление подтверждает догадку лучше любого признания. За тысячи лет я научилась замечать такие мелочи: паузу на полсекунды дольше, слишком тщательно подобранное слово, взгляд, ушедший в сторону раньше отве-

та. Одни действительно раскаиваются. Другие надеются перехитрить меня. Натали пока скорее наивна, чем опасна. И совсем юна — на вид едва ли старше двадцати смертных лет.

— Мой друг рассказывал об этом месте однажды — то ли во сне, то ли в коме, уже не вспомню, — отвечает Бруно, медленно кивая. — Но вы, мисс, безусловно, правы.

Откидываюсь на спинку трона и слегка склоняю голову набок.

— И кто же твой друг?

Натали медлит. Вижу, как она взвешивает ответ и пытается понять, не сделает ли имя друга её положение ещё хуже.

— Донни, мисс. Он...

— Довольно, — обрываю её, поднимая руку.

Натали послушно замолкает. Напряжение вокруг неё почти ощутимо — будто воздух стал плотнее.

— Я знаю его.

Когда-то Донни так же стоял внизу и ждал моего решения. Смышлёный, дерзкий, с характером — один из немногих, в ком я действительно увидела шанс. Я отправила его в школу непризнанным, а позже он примкнул к ангелам и стал хранителем Земного Ока — чаши, через которую наблюдают за смертными. Не каждый, кто проходит через врата Ада, в итоге становится демоном. Как и не каждый, кому довелось оказаться в Саду Адама и Евы, выбирает путь ангела.

— Отправьте её в школу, — приказываю стражникам у двери.

Бруно вскидывает на меня глаза. Благодарность буквально написана у неё на лице, и я вижу, как она уже собирается что-то сказать.

— Следующий!

Долгие разговоры в моей работе опасны не потому, что мне нечего сказать. Наоборот. Иногда среди тысяч душ попадается кто-то, с кем я могла бы проговорить часами, — а потом приходится напоминать себе, что я здесь не ради дружбы. Натали как раз из таких. Уверена, Донни будет рад увидеть её среди непризнанных. Иногда я позволяю себе маленькие послабления. В рамках допустимого, разумеется. Остальные быстро сливаются в привычную вереницу лиц и историй. Я успеваю зевнуть, проверить маникюр и в который раз подумать: как же всё это однообразно.

— ...Уведите его с глаз моих. В камеру, — устало приказываю очередному лжецу. Стража хватается смертного под локти и тащит к воротам. Он упирается, брыкается, сипло ругается, но сожаления в его глазах нет ни на каплю. Уже у самых дверей мужчина вдруг расплывается в хитрой улыбке и бросает через плечо:

— Однажды тебе попадётся тот, чьи уловки ты будешь глотать одну за другой!

Усмехаюсь. Сколько таких проклятий и пророчеств я слышала от тех, кому не понравился собственный приговор? Врата с грохотом закрываются. Перевожу взгляд на оставшихся и киваю следующему.

— Говори.

Подпираю подбородок ладонью. Голова уже гудит от чужих признаний. Большинство сегодня прожили жизнь так, будто у них впереди было ещё несколько запасных: ничего не меняли, ни к чему не стремились, собственные ошибки повторяли по кругу. Бруно хотя бы пыталась что-то создавать между провалами в зависимость. Кто знает, что ждало бы её на Земле, останься она жива? Может быть, картины. Может быть, семья. Может быть, Донни однажды стал бы для неё кем-то большим, чем друг. Странно, но именно эта мысль цепляет меня сильнее остальных.

— Госпожа, — следующий смертный склоняется передо мной. — Вильям Эрнст. Умер от болезни, так и не познав настоящей любви за эту жизнь.

Сонливость исчезает. Подаюсь чуть вперёд, и перья за спиной едва слышно шуршат друг о друга.

— Я любил одну женщину несколько лет. Искренне. Но нам так и не удалось встретиться вживую. Во время болезни дети забрали меня в другой город. Они думали, что так будет лучше, а в итоге не оставили нам ни единого шанса хотя бы попрощаться.

На несколько секунд забываю о следующей сотне душ. Какое это — любить кого-то и ни разу не коснуться? Платоническое чувство может быть сколько угодно чистым, но тело всё равно просит тепла, близости, иногда — простого животного желания. Вильям прожил с этой любовью несколь-

ко лет и умер, так и не узнав, какой она могла бы стать за пределами слов. Почему-то от этой мысли становится не по себе. Я ведь и слов-то таких о себе сказать не могу.

— Я не могу оставить тебя здесь, — произношу, встречаюсь с его испуганным взглядом. — Отправлю тебя в школу. Не учеником, конечно: годы всё-таки взяли своё.

Задумчиво отвожу взгляд. С такими смертными сложнее всего: опыт у них огромный, а место в новом мире придется искать заново. Но Вильям десятилетиями преподавал высшую математику. Если в Цитадели хватает ворчливых ангелов, сумевших стать уважаемыми наставниками, то и у него есть шанс.

— Вижу в тебе потенциал, Вильям, — говорю мужчине, сложившему руки в мольбе. — Ты несколько десятилетий преподавал высшую математику в академии и, судя по всему, действительно жил этим. Для начала освоишь местные дисциплины. Дальше посмотрим, где пригодятся твои знания. Не подведи меня.

— Слушаюсь, моя госпожа!

Сдержанно улыбаюсь и киваю стражникам. Через мгновение они вызовут водоворот и отправят Вильяма в место, которое я упорно продолжаю считать самым чудесным во всём мире ангелов и демонов. Хотя бы потому, что там учится Мими.

Я впервые за всё сегодняшнее заседание не смотрю на часы.

После Вильяма остаётся ещё несколько душ. Когда последний приговор наконец вынесен, потираю виски и поднимаюсь. Охранники привычно придерживают тяжёлый подол плаща, чтобы тот не зацепился за костяной трон. Будь он неладен.

На ходу натягиваю перчатки. За сегодняшний день через меня прошло почти две тысячи душ. Почти две тысячи чужих жизней, ошибок, оправданий и просьб о пощаде. Поначалу такая работа казалась мне почти захватывающей. Теперь она просто выжимает досуха.

Врата Зала Осуждения закрываются за спиной. Очередной день окончен. И завтра всё повторится: на Земле снова кто-то умрёт, поток новоприбывших снова хлынет сюда, а я снова буду решать, куда отправить каждого. Иногда я всё-таки думаю: справедлива ли система, в которой столько судебных зависят от одного советника? Сатана проверяет мои отчёты, но само решение в момент суда остаётся за мной. Власть, о которой другие мечтают, порой ощущается как слишком тяжёлый груз.

— Хлоя, — окликает меня Сатана.

Останавливаюсь и жестом отпускаю охрану. Сатана редко обращается к кому-то по имени. Лилит — исключение; Люциферу куда чаще достаётся сухое «сын мой» или что-нибудь похуже. Со мной он соблюдает дистанцию. Возможно, потому что я не даю повода их нарушать. Возможно, потому что Маммон — его давний друг.

— Должен тебя поблагодарить за выполненную работу.

Улыбаюсь устало и чуть натянуто. От Сатаны такая похвала почти равна награде. Зал Осуждения выматывает сильнее любой тренировки, хотя тренируюсь я тоже до изнеможения — хотя бы затем, чтобы вечером упасть на кровать и не успеть подумать, насколько однообразной стала моя жизнь.

— Одиннадцать отправлены в школу. Тысяча семьсот сорок семь — в камеры, — подводит итог Сатана.

Почти тысяча восемьсот за одно заседание. Даже для меня немало. Я никогда не считаю их по ходу суда — иначе цифры быстро начинают вытеснять лица. Сатана знает, на что я способна, и обычно на этом разговор заканчивается. Но сегодня он не спешит меня отпускать. Обходит, останавливается чуть позади. От его молчания по коже неожиданно пробегает холодок.

— Теперь время самого сокровенного, — произносит Сатана и достаёт из-за спины знакомый конверт. — Открывай.

На его лице появляется довольная ухмылка, и это мне совсем не нравится. Слишком уж заинтересован он в обычном ответе Цитадели. Протягиваю вспотевшую под перчаткой руку и осторожно забираю конверт. Пальцем провожу по алой печати.

«Кому: Хлое, советнице Сатаны От кого: Совета Цитадели»

На печати вспыхивает силуэт грифона с демоническими рогами и ангельскими крыльями. Сердце, которое ещё ми-

нуту назад едва не останавливалось от усталости, вдруг начинает биться быстрее. Разворачиваю сложенный вдвое пергамент и вчитываюсь в строки.

«Уважаемая Хлоя!

Совет Цитадели рассмотрел Ваше обращение относительно возможного назначения в состав Совета.

В настоящее время должности, соответствующие Вашему статусу и квалификации, отсутствуют. В связи с этим предложить Вам назначение не представляется возможным.

Ваша кандидатура может быть рассмотрена повторно при появлении соответствующей должности.

С уважением, Совет Цитадели»

Несколько секунд просто смотрю на письмо. Вот и всё. Столько ожидания ради четырёх сухих строк. Нервно усмехаюсь и перечитываю последнюю вслух:

«Ваша кандидатура может быть рассмотрена повторно...»

Конечно. Когда-нибудь. Если им вдруг понадобится та, кому уже однажды сказали «нет». Щёлкаю пальцами — пергамент мгновенно вспыхивает. Огонь жадно съедает строчки, превращая их в пепел. Один ещё горящий обрывок падает на стол, но Сатана успевает перехватить его пальцами и с совершенно довольным видом прикуривает от моего от-

каза сигару.

— Ты хорошо справилась сегодня. И скоро тебе понадобится твоя холодная голова.

— Для чего? — спрашиваю, внимательно глядя на него.

Сатана не отвечает сразу. Медленно выпускает дым и смотрит на меня так, словно знает что-то, чего пока не знаю я.

— Скоро узнаешь.

Он говорит это слишком спокойно. Я опускаю взгляд на пепел, оставшийся от письма. Ещё утром мысль о завтрашнем дне вызывала только скуку. Теперь скука отступает. На её месте появляется тревога.

Глава 2. Птенчик

Трек главы: Arctic Monkeys — Crying Lightning

Мне снится школа. Я знаю это место, хотя никогда здесь не была. Здесь нет удушливого жара Ада. Вместо него — прохладный воздух, чистое небо и солнечный свет, от которого приходится щуриться. Я иду по длинному коридору, а навстречу мне улыбаются незнакомые бессмертные. Они приветствуют меня так, словно ждали. И впервые за тысячи лет я улыбаюсь в ответ. От одного этого ощущения у меня будто открывается второе дыхание. Я готова... на всё?

Прохожу весь коридор и встречаю Мими. Малышка, как же ты выросла, как же я скучала!.. Снова касаюсь её острых хрупких плеч, чувствую манящий аромат сладкого парфюма, вижу довольный взгляд сестры:

— Ты же так хотела сюда попасть, да? — искренне спрашивает Мими.

Медленно киваю и прижимаю сестру к себе, окружая её теплом и заботой.

— Тогда обернись. Она пришла за тобой...

По инерции оборачиваюсь — и вижу лишь тьму. В ушах нарастает шум. Воздуха не хватает. Совсем. Начинаю задыхаться. Пытаюсь проснуться — не получается. Воздуха становится всё меньше. Ещё мгновение — и я уже не пони-

маю, где заканчивается сон и начинается реальность. А затем всё исчезает.

Мими

Мне снится, будто мы с Кристофером гуляем по шумному городу. Он держит передо мной два билета в театр, а я, радостная и воодушевлённая, от счастья запрыгиваю ему на спину и принимаюсь расцеловывать в обе щеки. Это лучшее свидание, которое могли придумать смертные на Земле!

И почему рядом с нами кто-то так оглушительно забивает молотком гвозди в забор? Парень до ужаса похож на Мальбонте. Прямо одно лицо! Грубые черты, тяжёлый пронизательный взгляд. Ну прекрати уже стучать своим чёртовым молотком...

— ...прекрати! — вздрагиваю от собственного голоса и открываю глаза.

На дворе глубокая ночь. Комнату озаряет лунный свет, который поначалу слепит и заставляет щуриться. В дверь и правда кто-то громко стучит. Сердце от испуга укатывается куда-то в пятки. И ведь угораздило пристраститься к ужастикам перед сном...

Кого там могло принести в мои покои в такой поздний час? Хочется верить, что это Кристофер, который уже успел по мне соскучиться. Наши отношения начались не так давно, но стремительно набирают обороты. Метис слишком настойчив, а я люблю непрошибаемых парней и, конечно же,

не устояла перед ним. Мы прекрасно находим общий язык, словно знакомы всю сознательную жизнь. Он так любезен и заботлив, а ещё настолько обаятелен, что я растворяюсь в его речи, в лёгком смехе с мужской хрипотцой и всякий раз так и тянусь зарыться пальцами в его очаровательные кудряшки.

Небрежно набрасываю халат, на ходу затягиваю пояс на талии, прикрывая выглядывающий кружевной бюстгальтер, и сонно плетусь к двери:

— Вообще-то, я уже... — открываю дверь с полузакрытыми глазами, собираюсь зевнуть, но при виде двухметровой фигуры забываю, как дышать. — М... Мальбонте?..

Он усмехается, глядя на меня сверху вниз. По сравнению с ним я выгляжу жалкой букашкой, которую можно пнуть одним мизинцем. Мне что, приснилось пророчество? Видение? Значит, Кристофер и правда подарит мне два билета в театр!..

Мальбонте никогда раньше не стучался в мою комнату. Удивительно, что он вообще знает, где я живу. Его визит ничего хорошего не предвещает.

— Чума вызывает тебя. — Мальбонте замечает мой сонный взгляд и, сделав голос ещё грубее, цедит: — Сейчас же!

По правде говоря, становится действительно страшно. На улице глубокая ночь — почему этим двоим не спится? Зачем я нужна Чуме?.. О, Шепфа!

Лениво выхожу из комнаты, захлопывая за собой дверь. В халате?.. Да и чёрт с ним! В моём состоянии стоит сказать

«спасибо» уже за то, что я вообще удосужилась выйти оде- той.

Плечусь за двухметровой фигурой, прячась в тени, кото- рую он отбрасывает в лунном свете. Сонно усмехаюсь, но всякий раз, когда Мальбонте оборачивается проверить, иду ли я за ним, изо всех сил делаю серьёзное лицо. Его трудно вывести из себя, но лучше до этого никогда не доводить. Мальбонте — само воплощение хладнокровия и суровости; достаточно одного его взгляда. Он всегда невозмутим — сколько себя помню.

Дверь в кабинет Чумы распахнута: заходи — не бойся, вы- ходи — не плачь. Заваливаюсь следом за Мальбонте и нагло плюхаюсь в кресло рядом с госпожой:

— И тебе привет, птенчик. — Чума недовольно, даже с ноткой брезгливости, окидывает меня взглядом. — У меня родилась гениальная идея! Ты только послушай...

Каждый раз Чума напоминает мне сбежавшую пациентку дурдома, над которой слишком долго ставили всевозможные эксперименты. Её «гениальные идеи» почему-то всегда рож- даются ночью. И частенько под горячую руку попадаю имен- но я, потому что люблю блуждать по ночным коридорам: то возвращаюсь от Кристофера, то выбираюсь после несколь- ких бокалов из комнаты Ади и Сэми. Эти двое постоянно устраивают алкогольные посиделки у себя, а иногда выводят мероприятие на более широкий уровень — собирают всех на отдельном каменном острове, где без дела стоит заброшен-

ный вагон поезда. Преподаватели не знают об этом тайном месте, где ученики так жадно вливают в себя глифт ящиками.

Ади всегда был тем самым подстрекателем, которому невозможно отказать. Рыжий засранец! А Сэми — самый настоящий душка, который охотно идёт на поводу у любимого демона. Такие вот мои лучшие друзья.

— В школе стало слишком скучно, — уныло протягивает Чума, пытаюсь вызвать у меня хоть какую-то реакцию. *Ну знаешь ли, Мальбонте прервал мой самый сладкий сон...* — Здесь становится всё больше Непризнанных, и все они какие-то отрешённые. Я вот о чём думаю...

Нахально зеваю в кабинете у завуча, едва успевая прикрыть рот рукой. Даже не обращаю внимания на то, как Чума бесится из-за моего несерьёзного отношения. Лучше бы так активничала в постели с этим двухметровым, который прервал мой сладкий сон, а не тиранила меня своими очередными *гениальными* идеями по ночам.

— У каждого ученика будет своя игрушка в виде другого ученика, чтобы все смогли сблизиться, — Чума хлопает в ладоши, как сумасшедшая. Кажется, мои догадки про дурдом становятся явью. — Что скажешь, птенчик?

В очередной раз зеваю и перевожу на неё недовольный, сонный взгляд. Интересно, а как бы на эту затею отреагировала Хлоя? Изменилось бы её мнение о школе после временного правления Чумы? Кривлю губы, вспоминая свой сон:

— Думаю, Кроули откажет в этой *гениальной* идее, — пожимаю плечами, изображая пальцами кавычки. — А так делай что хочешь.

— Старик уходит в отпуск, а на его место встаю я, — Чума слащаво улыбается, прищурившись. — Но есть одна проблема: учеников нечётное количество. Астарот, как всегда, кривит рот и отмахивается от вполне симпатичных учениц, называя их скучными и однообразными. Что нужно этому зазнавшемуся метису — сам чёрт его разберёт.

Меня не беспокоит даже тот факт, что какое-то время школой будет править Чума, хотя это вполне может обернуться полным хаосом. Успеваемость учеников явно ухудшится, но разве кому-то до этого есть дело? Вдруг эта сумасшедшая перетасует пары так, что мы с Кристофером окажемся не вместе? На несколько мгновений зависаю, пытаюсь отогнать страх. *Нет, Кристофер будет только со мной.* Откидываюсь на спинку кресла и громко усмехаюсь:

— Ты предлагаешь мне спуститься на Землю и завалить одного смертного, чтобы число учеников стало чётным? Или что?

Встаю и направляюсь к двери, всем видом демонстрируя равнодушие к странным идеям Чумы, которые она упорно называет «гениальными». Наверняка Хлоя на моём месте поступила бы точно так же. В дверном проёме останавливаюсь, оборачиваюсь и бросаю:

— Давай завтра это обсудим. Я невыносимо хочу спать,

— шиплю, не скрывая раздражения. — Доброй ночи!

Разворачиваюсь на пятках и словно плыву в свою комнату. Закрываю дверь и снова ложусь в уже остывшую постель. *О, Шепфа, сон... милый сон.*

Некоторое время всё же обдумываю слова Чумы, пытаюсь представить всю картину происходящего: сотни учеников лихорадочно разбираются по парам, дерутся, ссорятся... например, из-за Люцифера. За этим горячим засранцем половина учениц выстроится в очередь. Может, Чума будет сама распределять пары? Но тогда я рискую остаться без Кристофера...

В мыслях пытаюсь свести некоторых учеников. И зачем, чёрт побери, я вообще забиваю этим голову? Всё же в затее Чумы есть что-то интересное, хотя звучит она как полное безумие. Представляю, как брат-близнец Кристофера — Астарот — обрадуется «чумовой» идее временного директора школы.

Астарот по-своему интересный парень, но ужасно эгоистичный. По уровню высокомерия ему, конечно, далеко до Люцифера, хотя где-то рядом. Он швыряется резкими фразочками, отшучивается, но при этом не упускает возможности очаровать окружающих. В Люцифере он нашёл сомнительного, но всё же конкурента. Несколько тысяч лет из-за закона Неприкосновения метисы не появлялись открыто. Все догадывались, что они существуют, но многие были уверены: Шепфа безжалостно уничтожает их. Поэтому появле-

ние среди новеньких Астарота и Кристофера стало для учеников настоящим потрясением...

Мысль об Астароте цепляется за старое воспоминание — за тот день, когда близнецы впервые появились в школе.

Торопливо провожу щёточкой туши по длинным ресницам и быстро бормочу себе под нос:

— Чёрт-чёрт-чёрт...

Школьное собрание вот-вот начнётся в зале. Сегодня ряды учеников пополняют новенькие, а я из-за своего любопытства — ну и роста, разумеется — не могу остаться где-то в задних рядах.

Машу рукой перед лицом, чтобы тушь скорее высохла. Натягиваю кожаные ботфорты почти до бёдер и бегу сломя голову в зал. Твою мать, ну сколько можно опаздывать?

Влетаю в открытые двери. Просторный зал до отказа заполнен бессмертными: ученики, преподаватели, члены Совета Цитадели, директор с завучем — все-все! Пытаюсь аккуратно протиснуться вперёд и слышу за спиной недовольное сопение. Извините, ребятки, придётся потерпеть.

Вырываюсь вперёд и наконец вижу, что происходит в центре: Кроули стоит у длинного стола Совета, а позади него выстроились новые ученики. Моё внимание сразу привлекают два удивительно похожих друг на друга парня. У одного взгляд хитрый, игривый — словно он ещё покажет всем, кто здесь главный бунтарь. У второго — спокойный и приземлённый.

Отличаются они не только взглядами, но и причёсками. У первого тёмные волосы с красноватыми прядями чуть ниже плеч, часть сзади собрана в пучок. Чем-то он напоминает смертного рокера. У второго — кудри до плеч, делающие черты лица мягче. Только цвет волос никак не могу определить: одна сторона тёмная, почти чёрная, а вторая... белокурая? Он метис?..

— ...близнецы-метисы в связи с отменой закона о Неприкосновении отныне пополняют ряды учеников нашей школы ангелов и демонов, — с улыбкой объявляет Кроули. — Астарот и Кристофер, добро пожаловать!

По залу тут же прокатывается тревожный шёпот. От него становится не по себе. Что, если метисы пришли сюда исключительно для того, чтобы отомстить Шенфа за годы преследования их рода? Что, если с их появлением здесь прольётся кровь? Что будет с нами? Задумчиво оглядывая обоих и первой начинаю громко аплодировать, перекрывая тревожный шёпот. Один за другим бессмертные подхватывают аплодисменты, и вскоре весь зал приветствует новоприбывших. Кто из них Астарот, а кто — Кристофер? Хочется поскорее узнать о метисах больше. Они отличаются необычной внешностью, не похожей ни на ангельскую, ни на демоническую.

Ищу глазами Ади и Сэми, чтобы поделиться идеей сблизиться с метисами. Среди толпы усердно выискиваю рыжую макушку Ади. Где же он, чёрт его побери?.. Нашла!

Снова протискиваюсь вправо, чтобы встать поближе к друзьям. Представляю, как некоторые гневно сверлят взглядом мой затылок.

— Готовь несколько ящичков глифта, — шепчу, стараясь не выбиваться из общего гула и не привлекать лишнего внимания.

Ади вопросительно смотрит на меня, а из-за его спины выглядывает темноволосый Сэми с таким же недоумением во взгляде. Усмехаюсь над их лицами и поясняю:

— Устроим вечеринку в честь новеньких. Я хочу узнать этих метисов поближе!

Ади вскидывает бровь и скрещивает руки на груди. Я прекрасно знаю этот жест: стоит выждать пару мгновений — и демон одобрительно кивнёт. А всё ещё удивлённый Сэми снова выглянет из-за его спины и спросит:

— Будь по-твоему, чертовка, — усмехается демон.

— Что решили? Намечается тусовка?

Всё как я и сказала. Предложит Ади закатить вечеринку с ящичками глифта — такая же беспроигрышная затея, как и потакать Чуме в её «гениальных» идеях: согласие гарантировано на сто процентов.

Будильник истошно звенит. Морщусь и наугад взмахиваю рукой, задевая его. Орущий механизм с бряканьем падает на пол и замолкает. Устало тру лицо ладонями. Шепфа, дай мне сил!

Ночной сон, прерванный Мальбонте, утром даёт о себе знать. Настроения нет, а желание остаться в постели полностью овладевает разумом.

В дверь стучат. Беру вторую подушку и накрываю ею лицо. *Задрали! У меня что, проходной двор?*

Набрасываю тот же халат, который уже прикрывал моё полуголое тело этой ночью, и иду к двери. Кривлю рот, представляя, что сейчас снова увижу недовольный и суровый взгляд Мальбонте:

— Доброе утро, — радостно произносит Кристофер, чуть склонив кудрявую голову. — Позавтракаем?

Стою, округлив глаза: увидеть с самого утра метиса в дверном проёме я точно не ожидала. Сонливость как рукой снимает. Пока прихожу в себя, даже не замечаю, что Кристофер уже без моего согласия проникает в комнату. *Хотя когда я ему вообще отказывала?..*

— Я принёс только что испечённые круассаны и кофе. — Кристофер умеет надавить на мои слабости и с самого утра заставить улыбнуться. — Как спалось, красавица?

Захлопываю дверь и устраиваюсь поудобнее в кресле у туалетного столика. Кристофер явно ждёт подробного рассказа о снах, которые в последнее время я вижу слишком часто. Разгулявшаяся не на шутку фантазия не оставляет в покое. Изучающе оглядываю его и вспоминаю ночной разговор с Чумой, который из-за сонливости помню лишь фрагментами. «Что скажешь, птенчик?» — эхом повторяется в голове

её вопрос. *Сколько я уже молчу, не отвечая Кристоферу? Несколько столетий? Или всего минуту?..*

— Нормально, — отрезаю и хватаю бумажный стаканчик с кофе, на котором от руки выведено «Мими», а рядом на скорую руку нарисовано сердечко. Кристофер умеет радовать мелочами. — А что снилось тебе?

Метис расплывается в довольной улыбке и встряхивает двуцветными кудрями. Меня так забавляет этот жест! Он с интересом наблюдает, как я с любопытством заглядываю в бумажный пакет с ароматными французскими круассанами. *Мои любимые. Свежие...*

— Представь, мне тоже снилось, будто Чума временно стала директором школы, — невозмутимо отвечает он.

Делаю жадный глоток кофе, но от услышанного едва не давлюсь, и несколько капель падают на декольте, едва прикрытое шёлковым халатом. Дыхание перехватывает — я даже не успеваю проглотить кофе. Ненавижу давиться, тем более при таких идиотских обстоятельствах.

— ...ты в порядке? — обеспокоенно спрашивает Кристофер и протягивает мне несколько салфеток.

Молча киваю, давая ему возможность продолжить рассказ, который застал меня врасплох. *Может, стоило сразу рассказать всё как есть, а не ходить вокруг да около?*

— ...и тут она мне говорит: «У каждого ученика будет своя игрушка в виде другого ученика...» — Кристофер продолжает пересказывать сон, но я, дословно вспомнив ночной

разговор с Чумой, заканчиваю её фразу:

— «...чтобы все смогли сблизиться между собой».

Метис бросает на меня удивлённый взгляд. *Шенфа, какая же я дура! Как мне теперь оправдаться? Вот вечно мне нужно что-нибудь скрыть...*

— Откуда ты это знаешь?..

— От Чумы, — виновато признаюсь, ставя полупустой стаканчик на стол. — Вчера ночью я разговаривала с ней.

Кристофер выпрямляется и скрещивает руки на груди. *Прости, кудряшка, я не специально...*

— Мальбонте разбудил меня стуком в дверь. Сказал, что Чума хочет меня видеть. Было около двух ночи, — быстро проговариваю, словно боюсь замедлиться и что-то упустить. — Она рассказала о своём абсурдном плане и о том, что временно станет директором школы, пока Кроули в отпуске.

Кристофер изучающе окидывает меня взглядом. Его глаза на мгновение задерживаются на моих губах, а затем поднимаются к моим глазам. В комнате повисает напряжённая тишина. Кажется, несколько секунд я вовсе не дышу. Наконец метис её нарушает:

— Расслабься, я всё знаю. Стены школы завешаны постерами о нововведениях. Чума уже объявила об этом. — Кристофер расплывается в довольной улыбке: всё это время он просто меня дразнил, а я уже успела почувствовать себя нелепой дурочкой, пойманной на попытке что-то скрыть. Как же я недооценивала своего избранника. — Сегодня бу-

дет общее собрание в зале, а после него — бал.

Поднимаю вопросительный взгляд. В голове тысяча и один вопрос, ответы на которые потребуют не меньше половины дня. *Неужели всё-таки Чума добьётся своего?..*

— Но она же говорила, что в школе нечётное количество учеников для её затеи с «игрушками».

— Верно, — кивает Кристофер, убирая руки в боковые карманы брюк. — Полагаю, поэтому и проведут собрание.

Задумчиво отвожу взгляд. Судя по всему, Чума что-то придумала насчёт недостающего ученика, раз после собрания сразу намечается бал. Вот только на дворе поздняя весна, а значит, скоро некоторые старшекурсники покинут стены школы ангелов и демонов и станут вольными птицами. У остальных начнутся каникулы — до падения первого осеннего листа с кроны деревьев. И только осенью возобновится учёба.

Конечно, новенькие попадают в школу не только в начале учебного года. Бывает, ученики присоединяются и летом, и зимой, даже посреди каникул. К этому все давно привыкли.

— Астарот выбрал себе пару? — внезапно интересуюсь братом-близнецом Кристофера.

Метис расплывается в довольной ухмылке и отрицательно качает головой.

— Злится, что очередь выстроилась за Люцифером, а не за ним.

— Ну конечно, — с губ срывается ядовитый смешок. Не с

тем Астарот решил соревноваться за сердца. Ой, не с тем... — Но Люцифера на всех не разорвёшь, так что Астароту явно кто-нибудь да перепадёт.

— Ему это и скажешь, — смеётся Кристофер. — Ни одна пока не зацепила его настолько, чтобы он действительно захотел быть рядом и проводить с ней время.

Медленно киваю с некоторым сожалением. Мне искренне жаль Астарота. С началом наших отношений Кристофер стал меньше времени проводить с братом, и тот, оказавшись в настоящем одиночестве, решил, что никто не заслуживает настоящей любви. Я, конечно, не раз твердила ему, что это не так. Просто ещё не нашлась та, ради которой он был бы готов перевернуть весь мир. Хотя его легкомыслие и чрезмерный эгоизм пугают меня и дают понять, почему Астарот до сих пор один и даже не намекает на серьёзные чувства. *Бедная девушка, которая достанется ему в пару!..* Он ведь и правда может относиться к ней как к игрушке. Как к собственности.

День кажется невыносимо длинным. Жаль, ночь не была такой же — сон за неё успели прервать дважды. Солнце медленно скрывается за далёкими от школы горами. Постепенно сгущаются сумерки, обещая насыщенный вечер, а за ним — ночь.

Чума всегда любила устраивать шумные и долгие вечеринки. Это сближало её с большинством учеников, поэтому я уверена: большинство учеников будет радо решению Со-

вета временно назначить Чуму директором вместо Кроули. Старый серафим слишком требователен, хотя это и порождает дисциплину и стремление к знаниям... И кого я обманываю? Он просто нудный и ворчливый. Кроули и Фенцио делят первое место в рейтинге главных заноз в заднице среди преподавателей.

Кристофер выглядит, как всегда, изумительно. На нём белоснежная винтажная шёлковая рубашка, а искусанную мной шею прикрывает тёмно-зелёный бант под цвет брюк, который лишь сильнее подчёркивает чувство стиля метиса. Решаю немного приукрасить его образ и добавить дизайнерскую деталь: пришиваю вдоль левой штанины полоску белой ткани, которая тянется почти до самых ботинок:

— Мими, мы не на Неделе моды в Париже.

— Уверяю, однажды мы и там побываем, — говорю, кривя губы в довольной ухмылке, и заканчиваю работу, отрывая зубами торчащую нитку.

На мне чёрный бархатный костюм: укороченный верх с длинными обтягивающими рукавами оставляет открытым плоский живот, а юбка в пол благодаря высокому разрезу почти до бедра деликатно открывает ногу. Дополняю образ золотыми украшениями: кольцо, которое отец подарил мне на день рождения, кольца и португепя. Волосы закалываю золотым крабом, выпуская прядь у лица.

— Ты выглядишь невероятно, дама моего сердца, — шепчет Кристофер. Он не удерживается и касается моей талии,

притягивая к себе. От него пахнет прохладным кедром и чем-то терпким, едва пряным. Только вблизи аромат становится теплее — проступают амбра, чистая кожа и слабый дымный след, почти неуловимый сам по себе. Такой же, как он сам: сдержанный издалека и удивительно тёплый, если подпустить достаточно близко. — Дождусь твоего выпускного и женюсь на тебе. Клянусь, женюсь!

Кокетливо хихикаю и отвожу смущённый взгляд. Метис смотрит на меня совершенно серьёзно. *О, Шенфа, эти его небесно-голубые глаза, в которых можно утонуть без всякой надежды выбраться...*

— Да ну, брось, — шутливо отмахиваюсь от его, вероятно, серьёзных намерений. — Вдруг к моему выпускному ты влюбишься в другую?

Кристофер резко отшатывается, словно я сказала что-то действительно страшное. Его глаза округляются и смотрят прямо мне в душу. *Мими, опять ты за своё...*

— И не подумая, — с неожиданной суровостью отвечает Кристофер. — Миледи, ты собрана?

Игриво приподнимаю бровь и беру своего кавалера под руку. Тяну его к туалетному столику, чтобы напоследок дважды распылить духи на шею, а затем вместе с Кристофером направляюсь к двери.

Внутри отчего-то всё сжимается. Сердце пропускает несколько ударов, ладони непроизвольно потеют, хотя скрыты капроновыми перчатками. От Чумы можно ожидать чего

удогно. Незвестность томит, а внутри уже прорастает зерно паники. Но стараюсь не подавать вида. Я выше этого. С Чумой мы в доверительных отношениях. Знаю, что она не поставит с Кристофером никого, кроме меня. Эта мысль согревает душу.

Гордо запрокидываю голову, крепче цепляюсь за руку метиса и, звонко цокая каблуками, шагаю с ним по коридору напрямик в зал. Кто-то в спешке несётся мимо, пытаюсь успеть застолбить желаемого партнёра. Несколько десятков глаз с завистью оглядывают наш с Кристофером союз, а затем начинают обсуждать метиса. Мы не думаем о других — только друг о друге. С каждым шагом к залу всё отчётливее доносятся приглушённый гул голосов и музыка фортепиано.

В зале уже всю толпятся ученики в праздничных нарядах. Видно, что некоторые с особым трепетом подошли к выбору одежды для сегодняшнего мероприятия. В центре зала, раскинувшись на троне, сидит Чума в ярко-красном платье. От едкого цвета даже начинает рябить в глазах, но этот оттенок явно подходит временному директору школы. Он такой же резкий, как и сама Чума. У колонны справа от сцены стоит Астарот, прислонившись к ней и уперев в неё одну ногу. Вокруг него столпились девчонки. Вид у них настолько жалкий и наивный, что становится тошно. Только и слышится:

— А меня возьмёшь?

— Астарот, а ты уже выбрал?

— А можно с тобой?

Метис пропускает их мимо ушей. Очевидно, ему нравится внимание. Его взгляд устремлѐн куда-то вдаль, в одну точку. И чего он бесился, что очередь выстроилась за Люцифером? Вполне симпатичные девчонки трутся рядом с Астаротом. Но он по-прежнему никого не выбрал. Раньше это его не особенно волновало. Что же изменилось?

Все суетливо пытаются выбрать себе партнёра, словно от этого зависит всё их дальнейшее существование. Все выбирают, но кто вообще имеет на это право? Какой психопат добровольно решится стать чьей-то игрушкой? Кто выберет невидимые кандалы вместо свободы?

Ловлю довольные взгляды Ади и Сэми и приветливо машу им рукой. Парни тоже подошли к выбору костюмов с фантазией. Подхожу ближе и вслушиваюсь в их забавный спор о ставках:

— Пять золотых, что Астарот достанется той рыжей.

— Десять — что он сам её пошлѐт, — уверяет Ади.

В зал входит Люцифер, а за ним — шлейф из десятка девчонок, которые влюблѐнно смотрят ему вслед, точно марионетки. От этого зрелища невозможно сдержать улыбку. Краем глаза замечаю, как Астарот уже поднимается к Чуме на сцену и что-то шепчет ей на ухо. Мальбонте, сидящий рядом, не спускает с него грозного взгляда. Чума довольно, но коротко кивает, хватая с подноса бокал глифта, подносит его к микрофону и постукивает когтем по стеклу, издавая характерный звон:

— Добро пожаловать, пупсики, — иронично протягивает директриса. — Старик Кроули в отпуске, а теперь за главную я. Вы готовы?

Свободной рукой Чума медленно проводит по воздуху, словно охватывая весь зал. Ученики, будто одурманенные ею, начинают восторженно визжать, свистеть и аплодировать. Некоторые выкрикивают: «Лучшая!». Неуверенно хлопаю и осторожно смотрю по сторонам. Замечаю, что часть учеников успела знатно напиться глифтом ещё до начала мероприятия. Их шатает из стороны в сторону, глаза собираются в кучу, движения становятся хаотичными и неосторожными. Чума на них весьма дурно влияет...

— Как многим уже известно, я собираюсь сблизить вас друг с другом, — директриса выдерживает паузу, расплываясь в колкой ухмылке, прежде чем продолжить. — Надеюсь, каждый нашёл себе пару по вкусу...

Чума переводит взгляд на крайне недовольного Люцифера, позади которого стоит толпа неугомонных поклонниц. Директриса фыркает от смеха, отмахиваясь от увиденной картины. Её забавляет, что сын Сатаны настолько притягателен, что лишил девушек последних крох здравого смысла.

— Уокер, — сквозь усмешку произносит Чума, вызывая Непризнанную вперёд. Когда Вики поспешно подходит к ней, директриса окидывает девушку оценивающим взглядом. — Будешь игрушкой для Люцифера.

Астарот хочет что-то сказать Чуме, но та замечает его по-

пытку и резко прерывает предупреждающим взглядом. Чума быстро распределяет оставшихся девушек по другим парам — их разбирают, как горячие пирожки. Астарот остаётся на месте, недовольно кривя губы. Кажется, последняя надежда ускользает у него прямо из рук.

— Астарот остался без игрушки, — утвердительно заявляет Чума.

Взгляд метиса становится холодным и злым. Он отводит глаза от толпы учеников, которые тут же с удивлением оборачиваются к нему. Некоторые поклонницы по-прежнему тянутся к Астароту, но он делает вид, что не замечает их.

— Ладно.

Чума отпивает глоток глифта и облизывает нижнюю губу.

— У меня для тебя есть одна кандидатура.

Глава 3. Чумной бал

Трек главы: Dmitri Shostakovich — «Вальс №2» (из сюиты для эстрадного оркестра)

Голубые глаза Астарота блеснули очередной надеждой, что вспыхнула вместе со словами директора. Он наверняка понимал, что Чума не станет подбирать очередную «неинтересную» пару для него. Она подготовила для него что-то нечто большее, нечто стоящее его внимания. Чума оглядела весь зал и заострила особое внимание на мне. Сердце сжалось. Чем дольше она смотрела на меня, тем главный жизненный орган стремительно усакивал в пятки. *Что ей нужно?..*

— Мими, — голос Чумы звучал надменно, требовательно. — Как долго ты собиралась молчать о своём родственнике?

Сотни глаз принялись сверлить меня взглядом, заставляя щёки краснеть. Хотелось провалиться сквозь землю. Крепче сжимаю руку Кристофера и подаюсь вперёд, скривив губы в недовольной ухмылке. Не решаюсь ничего ответить. Чума продолжает раскручивать начатую мысль, которая не радовала уши:

— Тем более о родной сестре! — она недовольно обвела меня взглядом, оскалив свои зубы от злости. Зал удивлённо ахнул от услышанного. Никогда никто из моей семьи не упоминал о том, что у меня есть старшая сестра. — Приведите

её сюда.

Директриса щёлкнула пальцами за своей спиной, призывая охрану выполнить поручение. Моё лицо исказилось, предвкушая страх и ту встречу, о которой я не мечтала и ближайшее время, пока пребывала в школе. Сердце заколотилось. Кристофер перевёл на меня свой недоумённый взгляд, а я, виноватая перед ним, даже не решаюсь взглянуть на него.

В зал вваливается Хлоя. Лицо её передавало страх, что сидел внутри неё. Шепфа, она так хотела попасть сюда, но явно не при таких обстоятельствах... Её русые пряди волос обрамляли испуганное лицо. Она не рискнула окинуть взглядом весь зал. Хлоя опустила свои серые, как у меня, глаза в пол, прикусив нижнюю губу. Она всегда так делала, когда очень сильно нервничала. Её пурпурные крылья были стиснуты золотой нитью, чтобы она не смогла покинуть стены школы. Запястья удерживали тяжёлые кандалы.

Толпа, точно издеваясь, присвистывала и выкрикивала что-то подбадривающее, но ни я, ни Хлоя не хотели этого слышать сейчас вовсе. Астарот оценочно разглядывал мою сестру сверху вниз, словно она была каким-то товаром в магазине. Глаза его желанно сверкали, рот расплылся в довольной улыбке. *Ну нет... только не он!*

— Подойди сюда, птенчик, — Чума поманила своим костлявым пальцем Хлою. Она, подняв на неё свой томный и полной ненависти взгляд, покорно двинулась с места. — Посмотри-ка, сколько бессмертных желали встретиться с то-

бой.

Зал залился звонким смехом Чумы, от которого непроизвольно начали бегать мурашки по спине. А затем ученики один за другим начали шептаться. Кто-то узнаёт её, кто-то не верит, кто-то шепчет, что советница Сатаны оказалась игрушкой метиса. Здесь на неё смотрят как на зрелище.

Хлоя не рискнула перевести свой взгляд в сторону толпы бессмертных. Чума, схватив её за руку, точно какое-то театральное представление в жанре трагикомедии, подвела к Астароту настолько близко, насколько это было возможным. Она схватила подбородок Хлои и силой заставила взглянуть в глаза метису.

— Теперь ты его игрушка, птенчик!

Чума начала радостно хлопать в ладоши, словно точно сошла с ума. Сестра, не собирающая больше терпеть такое отношение к себе, собралась дёрнуться, но Астарот крепко сжал её плечи, не давая даже шелохнуться. Он молча, с колкой ухмылкой, прожигал её взглядом под бурное обсуждение толпы. Рот Хлои скривился, но глаза выдавали больше испуг, нежели отвращение. Стараюсь освободиться от руки своего избранника, чтобы вмешаться и заступиться за сестру, но Кристофер перехватывает моё запястье и с силой одёргивает, заставляя посмотреть на него. Он молча качает головой, а я, только представив страх и ужас, что пережила Хлоя, быю метиса в грудь и кричу:

— Пусти! Пусти меня, Кристофер!

Но мой крик заглушили фанфары. Люстры в зале погасли, оставляя только мерцание стробоскопа. Лица учеников было тяжелее разглядеть. Яркий свет освещал только лишь Чуму, что так и расплывалась в довольной улыбке:

— А теперь, зверушки-игрушки, танцы!

Заиграла музыка. Все принялись что-то делать: кто-то жадно накинудся на глифт, чтобы поскорее опьянеть и сделать что-то непристойное со своей *игрушкой*, кто-то взаправду танцевал друг с другом, кто-то начал знакомиться и узнавать друг друга лучше. Я же пыталась глазами найти Хлою, но её след словно пропал. Как и Астарот, который тоже пропал из виду.

Хлоя

Чума вела меня за руку, плотно сжав мои запястья, что и без этого были стиснуты в кандалы. *Чёрт побери, какого хрена здесь вообще происходит?..*

Новый директор захлопнула двери, что вели в кабинет и, достав что-то из шкафа, быстро швырнула на диван. Передо мной лежало чёрное платье, усыпанное стразами. Чума, усмехнувшись, достала из шкафа что-то ещё, проговаривая:

— Не могу же я позволить тебе пойти веселиться на бал в чём попало, — она небрежно оглядела меня с ног до головы. — Будешь сегодня нимфой! Малефисентой...

Директор надела на меня чёрную корону с дьявольскими рогами, что так сильно сближало меня с образом злой феи. Стою на месте, не решаясь даже махнуть головой, чтобы ски-

нуть с себя новый головной убор.

— Мы ведь с тобой обо всём договорились, птенчик? — Чума одним лишь пальцем коснулась моего подбородка и заставила поднять на неё взгляд. Покорно киваю головой. — Вот и славно!

Кандалы, что так сковывали мои запястья, звякнули и упали на пол, а вместе с этим я почувствовала сумасшедшее облегчение. Руки, словно онемевшие, некоторое время отказывались слушать команды мозга. Непроизвольно бросаю взгляд на письменный директорский стол и вижу свой конверт, который так тщательно подписывала в школу, питая себя розовыми мечтами о получении хорошей должности здесь. *Наивная! Хлоя, как же тебя так угораздило?..*

Руки оживились, кровь прильнула к моим конечностям, которые снова стали двигаться и быть со мной одним целым. Под пристальным взглядом Чумы снимаю свою одежду, издеваясь над ней. Устраиваю показушные танцы на раздевание:

— Птенчик, — прыснула та со смеху, не отводя от меня заинтересованного взгляда. — Ты не моя игрушка, чтобы так танцевать передо мной!

Действительно, что это со мной? Снимаю боди, в котором прибыла сюда. Рукой молниеносно прикрываю грудь, чтобы натянуть на себя роскошное чёрное платье, которым поделилась Чума на вечерний бал, который прямо сейчас был в самом разгаре. *Твою мать, мне бы повидаться с Мими... к чему весь этот маскарад?*

Подхожу к узкому зеркалу в пол, что стоит в в углу кабинета Чумы. Кручусь. Платье село идеально. Буквально вчера я семенила по Аду и мысленно мечтала попасть сюда, в школу. Сейчас я *стою здесь. Рада ли я этому?..* В зале бессмертные смеялись, кто-то целовался у колонны, кто-то спорил, кто-то танцевал босиком с бокалом глифта, оркестр играл живьём, где-то шумели компании. Никто не стоял по стойке смирно, как в Аду. Никто не ждал от меня решения. Здесь бессмертные... просто живут. *Вот оно. Именно этого я хотела...* «И именно сейчас я хочу отсюда сбежать. Условия, при которых я сюда попала, были явно не самыми лучшими и далеко не теми, с которыми я так хотела столкнуться по прибытии в школу ангелов и демонов.

— Ну, птенчик, вперёд, — Чума забавлялась надо мной, с издёвкой ухмылялась и поглядывала на моё озадаченное, потерянное в мыслях лицо. — Астарот наверняка уже ждался тебя!

Бросаю напоследок недовольный взгляд на неё. *Чтоб тебе!..* Смотрю на свои руки и понимаю, что кандалов больше на мне нет. А предусмотрены ли они были после смены образа? Или Чума забыла про них, и теперь я свободна?

Миную зал, в котором активно проходил бал-маскарад. Некоторые бессмертные кружились в танце, другие предпочли себя в качестве зрителя, потягивая из трубочек в бокале глифт. Свечи горят неправильным пламенем, лепестки или пепел падают сверху, на столах стоит глифт разных от-

тенков, ученики пришли в костюмах, кто-то уже нарушает правила своей «игрушки», Чума уже с трона наблюдает за всем этим с откровенным восторгом. Осторожно пробираюсь по коридору в самую глубь. Наверняка, где-то там выход. Нужно просто снять с крыльев золотую нить, улететь на нейтральную территорию и вызвать водоворот напрямиком в Ад. Иду и не оборачиваюсь. Смотрю себе куда-то под ноги, изучая орнаменты мраморной плитки. Головой упираюсь в мужскую горячую грудь. Разглядываю перед своим лицом атласную ткань бордового цвета с глубоким вырезом. Кажется, эту рубаху где-то я уже видела. Медленно поднимаю глаза. Декоративная цепь, что так идеально висела на шее, приветливо сверкнула, когда её носитель сделал глубокий вдох. Поднимаю глаза выше. Ну, конечно! Встречаюсь с самодовольной ухмылкой, которая исходила от метиса ещё на подиуме, когда меня объявили его новой игрушкой:

— И далеко ты собралась, куколка? — Астарот прожигал меня взглядом, словно хотел заглянуть в мою голову. *О, милый, лучше тебе не знать вообще, что там...*

— Отвали!

Руками стараюсь отодвинуть его корпус, но мужские руки ловко перехватили мои женские запястья, что так недавно были скованны в кандалы. Скалюсь от злости. Кажется, пора смириться, что это была крайне неудачная затея побега. *И откуда только метис тут мог взяться?.. Он что, следил за мной?*

— Не надо брыкаться, — он сильнее сжал мои запястья, отчего я непроизвольно вскрикнула. *Чёрт возьми, больно!*
— Пойдём же танцевать, куколка.

Моё новое прозвище вызывало попросту отвращение к самовлюблённому метису. «*Ку-кол-ка...*» — он так тянул по слогам это дурное слово, что я успеваю поморщить лоб. Ведёт себя так, будто я его собственность. Хотя, наверное, в этом и был посыл Чумы — заставить другого в паре чувствовать себя товаром, куклой, жертвой... Неудивительно, что никто так и не решился составить ему пару, поэтому... я здесь.

— Не пойду! — гордо запрокидываю голову и тщётно пытаюсь вырвать запястья из его сильных рук.

— Это не приглашение, — Астарот надменно усмехнулся, не отрывая от меня взгляда. Он хотел, чтобы в моих глазах гнев сменился на испуг. Хотел, чтобы я боялась его, проявляя уважение к своему «новому хозяину». — Это, считай, что приказ!

Взгляд мой сменился на уставший, такой обессиленный. Я ослабила хватку. Опускаю руки. Сейчас не время бороться и давать отпор, это бесполезно. Другая бы Хлоя, та, что была правой рукой Сатаны, никогда не позволила бы себе такого надменного и требовательного отношения к себе только лишь потому, что этого не позволило бы чувство собственного достоинства. Хлоя никогда не позволила бы к себе так относиться и разговаривать в таком тоне. Но я не была боль-

ше той Хлоей, что так важна для Сатаны. Теперь я...

— Чего встала, куколка? — Астарот ослабил хватку на моих запястьях, но я не обращала на это никакого внимания, утопая в собственных размышлениях.

Очнувшись от пугающих мыслей, понимаю, что всё это время смотрела в глаза наглому метису, у которого довольная ухмылка не сползала с лица. *Сколько я так на него смотрела?* Мне хотелось верить в то, что всё это длилось считанные мгновения.

Астарот вытянул свой локоть, приглашая меня взять его под руку и пройти в зал. Несколько мгновений думаю, прежде чем ухватиться за предплечье метиса. Касаюсь бархатного чёрного пиджака, что идеальной посадкой сидел на Астароте. От него исходил такой приятный шлейф мужского парфюма с едва уловимыми нотами мандарина и бергамота.

Мне не хотелось больше гордо шагать, высоко приподняв голову. Я плетусь рядом с ним только лишь потому, что надо, а не потому, что я действительно хочу этого. Ловлю на себе осуждающие взгляды, а за ними гневные перешёптывания. Сколько времени потребуется бессмертным в школе переварить ту информацию, которую выплонула сегодня Чума в толпу, представляя меня перед учениками? Внутри меня всё сжималось от осознания того, что я стала чьей-то собственностью: куклой, с которой было дозволено делать всё что угодно. Жалкой игрушкой, до которой нет никакого дела. И я не могу никак на это повлиять. Это решение Чумы,

будь оно неладно! Это слишком жестоко даже для меня — той, кто всю свою жизнь пробыла в Аду.

В зале музыканты играют вальс. Мужчина, что сидел за фортепиано, так эмоционально поддавался такту мелодии, наблюдая за учениками, что кружили воздушный танец. Среди танцующих вижу Мими и практически точную копию Астарота. *Чума что, и мою сестру поставила в пару с метисом?* Скалюсь от возмущения, что скопилось внутри. Хочу одёрнуть руку от Астарота, как вдруг, он развернул меня к себе, заставляя взглянуть прямо ему в глаза, цвет которых так напоминал ясное небо в дымке.

Раздался громогласный звук скрипки, от которого ученики, плывущие в танце, резко сменили направление и начали двигаться в противоположную сторону. Руки Астарота аккуратно притянули меня за талию. Помедлив, осторожно обхватываю его плечи, не решаясь касаться обнажённой шеи, что так искусно скрыта под длинными волосами метиса. Мы начали двигаться в такт мелодии, подстраиваясь под всех, словно уже давно здесь танцуем. Отвожу свой смущённый взгляд от Астарота. *Чёрт его побери!.. Он что, пытается очаровать меня?..*

— Так откуда же ты, невинное создание? — метис не отрывал от меня взгляда. Мои глаза бегают из стороны в сторону, пытаюсь сфокусироваться на Мими, которая в потоке танца тоже успела разглядеть моё растерянное и поникшее лицо. — Почему твоя сестра так тщательно скрывала такой

бриллиант?

Перевожу на Астарота свой возмущённый взгляд, давая понять, что он задаёт слишком много вопросов. Метис, увидев моё негодование, лишь усилил хватку на талии, заставив меня опомниться, что теперь я — его игрушка, а значит, что обязана слушаться.

— Какое тебе вообще есть дело до меня? — процеживаю сквозь зубы, не скрывая своей ненависти к этому самовлюблённому.

Снова раздаются громкие звуки виолончели и скрипки — смена направлений. Астарот умело подхватил меня, немного оторвал от кафельного пола и, развернув в другую сторону, прижал меня к себе ближе. Между нами не осталось ни единого миллиметра расстояния. Слегка оголённым участком живота чувствую атласную бордовую ткань от рубахи, которая так шла метису. Он замечает красные следы от кандалов на моих запястьях. На секунду с его лица пропадает ухмылка. Он ослабляет хватку. Астарот склонился к моему уху, зарывшись в волосы. Чувствую его обжигающее дыхание и получаю бегающую волну мурашек по своей спине. Непроизвольно вздрагиваю, но от удовольствия ли?..

— Поверь мне, куколка, — выдержав паузу, метис, словно издевается, щекотал своим дыханием мою шею. — Теперь у нас много общего.

— В самом деле? — отвожу шею от него насколько это возможно и вопросительно изгибаю бровь. *Какой-то метис*

будет говорить мне о том, что у нас много общего? — Да что ты знаешь обо мне, мерзавец?

Глаза мои победно сверкнули. Мы танцевали вальс в такт со всеми, но при этом между нами была игра, которую могли понять только я и Астарот. Люди вокруг словно растворились. Были только мы — его надменная и нахальная улыбка, и живая музыка. Я позабыла даже о том, что хотела ринуться к Мими с расспросами. О, к ней у меня тысяча вопросов, не меньше. Ловлю взглядом свою сестрёнку, которая так любезно хихикала со своим кавалером. *И он её очаровал? Расплывается в его руках, смеётся и утыкается ему в плечо. Ну, берегись...*

Маэстро, что дирижировал оркестром, громко хлопнул в ладоши, и все сменились партнёрами. Астарот не торопился меня выпускать из своих объятий, продолжая лавировать своим спортивным телом. Снова нахожу взгляд Мими, которая так же продолжала танцевать с курчавым метисом. *Я должна во всём разобраться!..*

— Боюсь, тебе придётся ответить мне на вопросы, — Астарот словно проследил за моим взглядом и, стремительно пытаясь отвлечь меня от переглядываний с сестрой, прервал наше молчание. — Куколка...

— Никакая я тебе не куколка! — не выдержав, процеживаю и, гневно испепеляя его взглядом, возмущаюсь его довольной ухмылке на лице.

— Что ж ты такая недотрога? — метис изучающе обвёл

меня взглядом. — А-а, кажется, я понял...

Астарот резким движением прижал меня к себе, уткнулся носом в мою шею. Он словно вдохнул аромат, что исходил из меня, так глубоко и медленно. Стараюсь в этот момент не дышать, прикрыв глаза.

— Ты набиваешь себе цену, — елеиным голосом проговорил метис. — Ты была очень важной шишкой под крылом у папочки Сатаны, а сейчас излишься не потому, что стала игрушкой. Ты злишься потому, что впервые за несколько тысяч лет решаешь не ты....

Вздрагиваю от отвращения его сказанных слов. Пытаюсь вырваться, но сильные руки настолько крепко сжимали мою талию, что лишали всякой возможности отстраниться, хотя бы на сантиметр, от этого надменного, крылатого, самого настоящего чудовища!

— Заткнись, — шепчу я также ему на ухо.

— Не то что? — Астарот отстранился от меня, не убирая руки с талии. Мы продолжали кружиться в танце. От его рук под платьем кожа была горячая, немного влажная. — Попытаешься оскорбить? Ударишь? Или, может?..

— Я сказала, заткнись, — гневно процеживаю, стараясь держать себя в руках. — В мои планы не входило общение с... метисом.

Оценочно оглядываю Астарота, который, признаться честно, был очень привлекательным. Его острый язык заставил бы любую другую растаять прямо у него на руках, но

я была выше этого, не давая колким фразочкам метиса врезаться в моё сердце. Но Мими... она любезничает с близнецом Астарота! Он, всё же, очаровал её!

— Какая жалость, — театрально протянул метис, дёргая уголком рта. — Жаль только, что твоя сестрёнка предпочла метиса в общении, а не тебя.

Задыхаюсь от возмущения, глядя на этого заносчивого мерзавца. *Да как он смеет?..* Перевожу взгляд на толпу, ищу Мими: сестра действительно заигрывала и флиртowała с кудрявым метисом. Выходит, Астарот не наврал, а я в его глазах выглядела, как полная дура.

— Что ж, — вздыхая, перевожу взгляд на метиса, который держал меня за талию, а я... держала его за идиота. — Я устала. Пригласишь даму выпить?

Мне нужно было действовать хоть как-нибудь, чтобы окончательно не пасть лицом в грязь. Кто ж знал, что моё появление в школе будет столь неожиданным и нелепым даже для самой меня? Астарот, не скрывая своего искреннего удивления, довольно ухмыльнулся и отпустил мою талию. Он так же галантно подставил свой локоть, а я, уже уверенно и дерзко, взяла его под руку, и мы покинули эпицентр танцпола.

По окрестностям большого зала с высокими потолками ходили официанты, в руках которых были подносы с глифтом. Любезно вытягиваю руку, улыбаюсь и, хватая бокал с алкоголем, вздрагиваю. Ловлю взгляд Чумы с другого кон-

ца зала. Директриса поднимает бокал. Как будто говорит: «Я же знала». *Обещаю, как только разберусь со всем происходящим здесь, тут же засуну ей этот бокал куда подальше...*

Со спины подбежала Мими. Лазурная жидкость в бокале пошатнулась и несколько капель, ударившись о стенки, выплеснулись. Делаю шаг назад, не дав каплям коснуться платья Чумы, что было надето на мне. К лишним проблемам я не готова уж точно.

— Сестра, — Мими кинулась ко мне в объятия, не сдерживая своих эмоций на лице. В её глазах хлынули слёзы от радости вперемешку с отравленным разочарованием, что меня, всё же, так и не удалось скрыть от потусторонних глаз. — Я так скучала по тебе! Хлоя, ты даже не представляешь...

Рядом с нами поравнялись метисы. Они были как одна капля воды, разве что отличались причёсками и едва уловимой ухмылкой. У того, что был ближе к Мими, лицо выглядело не таким наглым в отличие от Астарота. Машинально поправляю ей волосы — так же, как делала, когда та была маленькой. И вдруг, словно удар током, что разнесся по всему телу, приходит горькое осознание: я пропустила часть жизни сестры.

— Кстати, познакомься, — Мими стёрла с щёк скатившиеся слёзы и, взяв под руку своего кавалера, взглянула на него таким тёплым, радушным взглядом. — Это Кристофер. Мой молодой человек.

Перевожу гневный взгляд на кавалера сестры, который

приветливо улыбнулся мне. *Мой... кто?!*

— Но я думала, что... — удивлённо возвращаюсь глазами к Мими.

— Нет, Чума здесь не при чём, — словно улавливая мой вопрос в голове, ответила сестра, в шутку отмахиваясь. — Наш союз доброволен.

— И как давно ты с моей сестрой вместе? — щурю взгляд на кудрявого метиса. Как я могу ему доверять самое сокровенное?

— Совсем недавно.

Кристофер не пытался сделать вид, чтобы меня как-то убедить в его серьёзных намерениях. В нём не чувствовалась ветреность, но и доверия он мне не внушал. Парень моей сестры аккуратно потер ей плечи, обратив внимание на то, что ей стало немного прохладно. Сняв с себя свой пиджак, он бережно накинул его на плечи Мими. Сестра молча с благодарностью во взгляде улыбнулась ему.

Опешив, роняю свой растерянный взгляд на Астарота. И с каких пор метисы стали так близки с демонами?.. Задумчиво качаю головой, стараясь хоть как-то выкинуть из головы навязчивые мысли.

— Крис, Астарот, — Мими криво улыбнулась и ринулась в мою сторону, схватив меня под руку. — Хлоя, можно тебя на минуту?

Она уводила меня подальше от близнецов. Кажется, сестра готова мне вот-вот рассказать то, о чём они явно не долж-

ны были слышать. *О, интересно...*

— Сестра, — тяжело вздохнула Мими. — Я знаю, что твой визит в школу это полное безумие и большая фантазия Чумы, которая, к сожалению, реализовалась. Но послушай...

Нежные, бархатные руки сестрёнки обхватили мои поledenевшие от нервов запястья. В голосе её слышалась теплота, забота — всё то, что мне так не хватало за долгие тысячелетия пребывания в аду. *О, малышка, я так скучала!..*

— ...вижу твоё напряжение, когда ты находишься рядом с ним, — Мими кратко, чтобы никто не заметил, кивнула в сторону Астарота, который стоял рядом со своим братом и о чём-то бурно беседовал. Впрочем, меня это мало волнует. — Дай ему шанс раскрыться тебе, не закрывайся, Хлоя. Ты слишком долго пребывала в гордости и никого к себе не подпускала.

Слова сестры, точно острие лезвия, больно кольнули в грудь. Доля правды в её словах были, я действительно не умею... общаться с противоположным полом? Надменность и хладнокровность попросту мешали мне сосредоточиться на объекте внимания и попытаться дать хотя бы малейший шанс на завязку интересного диалога. Всё это переросло в огрызания, разговорные соревнования и, в конце концов, дурацкие колкие фразочки, которые только ещё больше оттачивали друг от друга. Но Чума выбрала для меня пару, мягко говоря, не очень... Почему Астарот такой вредный и надменный? А я?.. Разве я была лучше? Ничем не отличаюсь от

самовлюблённого метиса, который только и пытается доказать мне, что теперь я — его собственность, его игрушка.

— ...может показаться эгоистичным, но дай ему время. Только будь осторожна с ним! — услышала я обрывок речи Мими. Сколько длился её монолог? Отчаянно мотаю головой и пытаюсь сконцентрироваться на сестре, но было уже поздно. Она заметила, что я её не слушала. — Хлоя? Ты вообще меня слышала?

Сдержанно молчу, отводя взгляд в сторону. И почему именно сейчас глаза пали на метиса, который, благо, не смотрел в мою сторону. Астарот необычайно сексуален, признаю это. Эта рубашка!.. Но плевать во что он одет, когда его остроумные шуточки перекрывают абсолютно всё хорошее в нём. *Готова ли ты его принять, Хлоя? Готова ли ты дать себе шанс?*

Испытываю терпение сестры, что так долго уже смотрит на меня исподлобья, ожидая от меня ответа. Закатываю глаза, скрестив руки на груди:

— Да, я тебя услышала, — процеживаю я на выдохе. Ключевые для себя моменты подчеркнула, а дальше... это уже не имеет никакого смысла. — Но почему ты так беспокоишься о моих взаимоотношениях?

Мими, прежде чем ответить, метнула взгляд на Кристофера, который ей, в свою очередь, кратко улыбнулся. Глаза сестры поднялись на меня, наполненные каким-то дёгтем и досадой.

— Когда я только познакомилась с Кристофером, то вела себя с ним примерно так же, как и ты, — Мими обвела меня взглядом, стараясь не вдаваться в подробности моего высокомерного поведения. — Крис ухаживал за мной по-всякому, а я только отбивалась от него и бегала, как девчонка.

Сестра тепло улыбнулась, вспоминая эти моменты. Она лишь задумчиво покачала головой.

— Знала бы ты, Хлоя, какой дурочкой я была, — Мими усмехнулась, взглянула на меня своими серыми глазами так глубоко, что, будто бы, касалась моей души. — Этот метис окружил меня такой страстью... головокружительной любовью, о которой любая смертная и бессмертная только может мечтать! Метисы, да и что? Они способны на *такое*, что тебе и не снилось.

Непроизвольно улыбаюсь, но, скорее, улыбка моя означала не более, чем насмешку. Как такую, как Мими, можно вообще впечатлить и влюбить? Как мою сестру можно подчинить? Она кого-то — да, но что бы её... нет! Этого просто не может быть. Кристофер наверняка использовал свои способности, которые подействовали на Мими. Она пьяна, но не от глифта. Бредит мне про любовь, про изменение отношения к Астароту. Не решаюсь хоть как-то комментировать монолог сестры. Молча разворачиваюсь на пятках и направляюсь в сторону метисов. Не позволю, чтобы меня очаровывали через способности.

— Миледи, — усмехнулся Астарот, обнимая меня за пле-

чо одной рукой. Кривлю рот в сомнительной улыбке, но руку его убирать не собираюсь. *Что ж, сыграем...* — Сестринские сплетни закончились?

Кристофер не сдержал улыбки на колкий вопрос своего близнеца. Мими, хихикая, смущённо отвела взгляд. Медленно поворачиваю голову на Астарота и встречаюсь с ним взглядом. Слежу за его глазами, которые метались от моих серых глаз до губ и обратно. *Что ты задумал, чёрт тебя побери?..*

— «Сестринские сплетни» могут длиться тысячелетиями, — демонстрирую хитрый прищур, прикусывая нижнюю губу. *Я что, только что метнула взгляд на его губы?..* Медленно, по каждому слогу, проговариваю его имя почти шёпотом. — Астарот...

Улыбка метиса медленно поползла вверх. Кажется, он оценил такой жест. Конечно, я же его игрушка, которая «должна слушаться». Но неужели он привык, что к нему все девушки относятся именно так, что метиса даже не смутили мои изменения в поведении? Он вёл себя настолько невозмутимо, будто бы это обыденные действия девушек в его сторону. *Сукин сын!..*

Кристофер подошёл к Астароту, что-то прошептал ему на ухо. Метисы кивнули друг другу, и Мими и Кристофер удалились с нашего поля зрения. Сестра лишь улыбнулась мне приподнятым уголком рта. Готова признаться, что сейчас ненавижу её больше всех. Я осталась с Астаротом наеди-

не. Сердце пропустило несколько ударов. Что, если он, такой... самовлюблённый, способен сделать со мной всё самое извращённое и жестокое? Ведь я его игрушка... Мотаю головой, отбрасывая таким образом все дурные мысли из своей головы.

Без качественной выпивки этот день просто не пережить. Хватаю с подноса бокал глифта и, сделав несколько жадных глотков, отвожу бокал от своих губ. Леденящая жидкость приятно обжигала горло, заставляя разум, не сразу, но расслабиться. Мысли отошли на второй план, на лице появилась даже довольная гримаса. Не всё так плохо. Тёмная помада вишнёвого оттенка оставила след на краешке бокала. Астарот всё это время следил за моими действиями точно маньяк:

— Надеюсь, ты не собралась напиваться до беспамятства? — он усмехнулся, а затем, выхватывая из моих рук неполный бокал с напитком, допил глифт до конца, поставив пустой бокал на поднос. — Я не люблю играть с чересчур пьяными...

Задыхаюсь от возмущения. Мы знакомы с ним едва пару часов, а он уже так нагло предлагает переспать с ним? Разворачиваюсь и, оскалившись, влепляю пощёчину этому подонку. Если Чума решила сыграть в цирк, сделав всех куклами друг для друга, это точно не превратится в публичный дом! Во всяком случае, со мной. Астарот, усмехнувшись, медленно провёл рукой по покрасневшей от моего удара щеке. Ес-

ли в его взгляде промелькнула злость и недовольство, то в моём царили ненависть и негодование. *Как он, твою мать, посмел?..*

— Полагаю, ты подумала, что я собрался спать с тобой? — взгляд метиса сменился на холодный и ядовитый, который точно готов в меня впиться и разесть всю изнутри. Он схватил меня за горло и притянул к себе. Его действия не казались мне удушающими, скорее, возбуждающими, дерзкими. *Хлоя, остановись...с*

Он притянул меня так близко, что я ощутила его обжигающее дыхание. Астарот прошипел мне почти что в губы:

— Какая же ты жалкая, куколка...

Медленно облизываю нижнюю губу, сглатывая услышанные слова. Стоит принять тот факт, что, возможно, сейчас всё выглядело именно так: я была жалкой в глазах у него, но не у самой себя. Из меня пытаются сделать кусок мяса, куклу для похоти и развлечения, но этот мир я представляю иначе. Совсем иначе. Но что, если это лишь мои иллюзии и ученики школы действительно такие? Но как родители решились отправить Мими сюда, зная, что здесь происходит... *такое?* Астарот смотрит на меня так выразительно, пронзающим взглядом, с особым огнём в глазах. Его хватка на моей шее ослабилась, но руку метис и не думал убирать. Тянусь к его уху и шепчу, гневно, саркастично и приторно сексуально: — Я не из тех, кто ложится в койку с таким, как ты.

Отстраняюсь от него, не отводя довольного взгляда. Крив-

лю рот в довольной ухмылке. Один-один, метис! Жалкие не могут стать правой рукой Сатаны. Жалкие не могут хладнокровно рассуждать. Жалкие не борются за свободу. Жалкие — это не про меня. Ловлю на себе удивлённый взгляд Астарота, который явно не ожидал моего отпора. Вижу, что он так же пытается понять, что в моей голове. Тем временем, как и я пытаюсь понять, что было в его голове. Казалось, что у нас есть столько сказать друг другу, но всё это доходило только до мыслей, не более того.

— Ты всегда так хмуришься, когда не получаешь желаемого? — словно гром, Астарот разрезает между нами молчание.

Удивленно вскидываю брови.

— «Всегда»? Мы знакомы несколько часов.

Астарот отпустил меня, но почему-то я так и не решалась куда-то сдвинуться, убежать отсюда, хоть и могла попытаться это сделать. Он меня больше не держит, дорога свободна. Он только улыбается. Мы не сводили глаз друг с друга. Наши, поистине, задевающие фразы не оскорбляли нас, как больше походили за детские перепалки, которые перерастали в игру слов. Такая себе, сомнительная игра, но раз я игрушка, кукла, значит, будем играть, как дети. В игру слов.

— Однажды мы уже встречались с тобой, Хлоя.

Нервно сглатываю и округляю свои глаза. Астарот расплывается в довольной ухмылке, приподнимая уголок рта. Он сделал уверенный шаг вперёд ко мне, а я, опешив, даже

не удосужилась пошевелиться.

— Это было так давно, — процедил метис, указательным пальцем касаясь моего подбородка. — Когда произошла отмена закона Неприкосновения, мы с Кристофером некоторое время были на виду у Сатаны, а рядом с ним частенько носилась ты: такая высокомерная, гордая, точно стерва. Ты даже не удосужилась посмотреть в нашу сторону, мы для тебя были жалкими рабами, которые просто пребывали в Аду. А ты... вся такая важная особа, которой нет дела до таких, как мы.

— Я всегда такой была, — подхватываю его слова и шиплю в ответ. — Моя работа не позволяла относиться ко всему иначе.

— Возможно, — Астарот податливо кивнул мне, отвечая медленно, не торопясь. — Ты права.

Он вцепился пальцами в чёрную блестящую ткань на моём платье, крепко сжимая её. Чувствую напряжение, что образовалось между нами. Метис внимательно рассматривал ткань, которую сжимал, а затем, подняв на меня свой игристый и похотливый взгляд, отпустил её и прошептал:

— Удивительно, да? Как же за один день всё может обернуться в обратную сторону.

Глава 4. Битва за свободу

Трек главы: Skillet — Burn It Down

Первая ночь в школе проходит отвратительно. Я то проваливаюсь в тяжёлый сон, то резко просыпаюсь от ощущения, будто мне снова перекрыли воздух. Под утро сдаюсь окончательно: лежу с открытым окном, слушаю прохладный ветер и пытаюсь переварить всё, что произошло за последние сутки. Школа. Мими. Чума. Астарот. Особенно Астарот. Слова сестры о том, что мне стоит хотя бы попробовать узнать его, никак не желают исчезать из памяти. На фоне всего остального остаётся только порадоваться, что я до сих пор не сошла с ума. *Пока что.*

Ещё вчера после тяжёлого рабочего дня в Аду я уснула в собственной постели. Теперь уже ясно: тот «кошмар» не был сном. Кто-то действительно прижал подушку к моему лицу, лишил воздуха и дождался, пока я потеряю сознание. А потом меня похитили буквально из-под носа у Сатаны. Лиц похитителей я не помню. Зато прекрасно помню Чуму, которая привела меня в чувство перед самым представлением в школьном зале. Кандалы оттягивали запястья, крылья были стянуты золотой нитью, а сотни бессмертных смотрели, как советницу Сатаны превращают в «птенчика» и назначают чьей-то игрушкой.

Но сильнее всего задевает другое. *«Однажды мы уже*

встречались с тобой...» Астарот помнит меня той Хлоей, которая проходила мимо метисов, не замечая их. Тогда я стояла рядом с Сатаной и смотрела на мир сверху вниз. Сегодня всё перевернулось: теперь он может преградить мне дорогу, схватить за руку, назвать куколкой — и я вынуждена считаться с правилами чужой игры. Забавно. Вчера я была для него недостижимой фигурой при дворе. Сегодня он держит нитку от моей клетки. *Бойся своих желаний, Хлоя...*

Мне выделили одну из немногих свободных комнат на последнем этаже. Просторная кровать с однотонным льном, небольшая гардеробная, собственная ванная и холодные серо-синие стены — после тысячелетий среди вечного жара Ада это почти роскошь. Там всё окрашено огнём: красное, оранжевое, золотое. Здесь же воздух будто прохладнее даже на вид. И всё равно комната пока не ощущается моей.

Неторопливо встаю с постели. На пуфе лежит аккуратная стопка одежды, которой вчера точно не было. Сверху — записка на пергаменте. Размашистый почерк узнаю сразу и невольно улыбаюсь.

«Доброе утро, сестрёнка!

Не стала будить — тебе явно нужен хороший отдых после вчерашнего.

Я подготовила для тебя лучший наряд в этом мире. И нет, я не преувеличиваю!

На комодѣ остывает завтрак. Поешь обязательно: сра-

зу после этого спускайся на задний двор, там будет общее собрание...

В общем, жду тебя внизу.

Целую, Мими»

Оборачиваюсь к комоду. Большая тарелка с сырами, мёдом и орехами, рядом — фарфоровый чайник с бергамотом. Только Мими могла вспомнить именно это. Тянусь к кусочку сыра, макаю край в мёд и вдруг понимаю: сестра помнит вкус, который я сама давно перестала замечать. От этого почему-то становится тесно в груди. Делаю глоток чая и заставляю себя вернуться к сегодняшнему дню. Что ещё придумала Чума? Какой очередной цирк ждёт нас во дворе? И почему, чёрт побери, мне интересно, в каком настроении Астарот?

Натягиваю чёрные леггинсы и короткий топ — по версии Мими, «лучший наряд в этом мире». Узнаю её вкус с первого взгляда. Обычно я бы спрятала фигуру под кожаным плащом, но его здесь нет, так что остаётся смириться. Собираю волосы в высокий хвост, оставляя у лица одну непослушную прядь. Отражение выдаёт бессонную ночь лучше любых слов. Вчерашний день хочется стереть, но пути назад всё равно нет. Придётся адаптироваться. Или найти способ вернуть свободу.

Спускаюсь по лестнице и, заглянув в одну из арок, вижу задний двор. Ученики постепенно заполняют площадку, со-

бираясь небольшими компаниями. Сразу ищу Мими и почти мгновенно замечаю знакомую двухцветную макушку Кристофера. Рядом — прямые тёмные волосы сестры. Чуть поодаль стоит Астарот. Ветер треплет его длинные волосы, выбивая красноватые пряди. Словно почувствовав мой взгляд, он поднимает голову. Мы встречаемся глазами — и я, к собственному раздражению, на секунду замираю.

Спускаюсь во двор и протискиваюсь сквозь учеников к сестре. Мими тут же обнимает меня, отстраняется, придирчиво оглядывает с головы до ног и присвистывает:

— Зад у тебя, сестрица, что надо! Я же говорила, что это лучший наряд, — смеётся Мими и шлёпает меня по ягодице. — Чёрт, эти леггинсы идут тебе гораздо больше, чем моей костлявой заднице!

Закатываю глаза, но усмешку скрыть не получается. Кристофер лишь коротко кивает мне в знак приветствия и снова переводит внимание на Мими, обнимая её за талию. Астарот, напротив, разглядывает меня с совершенно бесстыдным интересом. Я отвечаю ему сдержанным кивком и заранее обещаю себе: сегодня — холодно, коротко и без его игр. Обещания хватает секунд на тридцать.

— Какая же встреча без объятий, куколка? — Астарот разводит руки, и уже через мгновение я оказываюсь прижата к его груди. Объятие длится ровно настолько долго, чтобы перестать казаться простой издёвкой, но недостаточно, чтобы я успела придумать ему оправдание. — Я соскучился.

Я уже собираюсь съязвить, но замечаю: он снова не касается того места на запястье, где вчера остались красные следы от кандалов. Второй раз. Случайность начинает выглядеть слишком осознанной. Впрочем, спрашивать об этом я не собираюсь. Мы знакомы всего ничего, а ведём себя так, будто годами знаем, куда ударить словом. *Неужели мне и правда интересно, что скрывается за его бесконечной ухмылкой?*

— Какая ручная куколка, — шепчет он мне на ухо так тихо, чтобы Мими и Кристофер не услышали. — Вчера зубки показывала куда охотнее.

Медленно провожу ладонью по его спине и поднимаюсь к шее. Пальцы цепляют длинные волосы у затылка. Если он решил играть — я хотя бы не позволю ему выбирать правила в одиночку.

— А ты вчера был менее дружелюбен, — отвечаю, едва касаясь губами его уха. — Неужели за ночь в твоей голове произошло что-то похожее на развитие?

Отстраняюсь и ловлю его взгляд. Ни ответа, ни смущения — только довольная тень улыбки. *Не на ту нарвался, мальчик.* Его ладони лежат на моей талии, мои — на его плечах. Несколько секунд мы просто смотрим друг на друга, и первой отвожу глаза именно я. *Хлоя, какого хрена?* Отступаю на шаг, чувствуя себя проигравшей в игре, правила которой ещё даже не успела понять.

Чума появляется во дворе так, будто выходит на собственную сцену. Ученики перед ней расступаются, а на лице вре-

менной директрисы сияет та самая улыбка, после которой обычно хочется искать ближайший выход.

— Доброе утро, зверушки, — елеино тянет Чума, оглядывая двор. — Я к вам, как всегда, с гениальной идеей!

Мими рядом едва заметно закатывает глаза. Судя по реакции, фраза действительно коронная. Большинство учеников, наоборот, оживляется. Кто-то смеётся, кто-то начинает перешёптываться, кто-то даже аплодирует. Удивительно, как быстро хаос становится привычным, если его подають достаточно весело.

— Я знаю, как некоторые из вас рвутся на свободу и мечтають показать собственные амбиции, — продолжает Чума. На слове «амбиции» её взгляд останавливается на мне. На долю секунды улыбка становится тоньше. — Для таких зверушек у меня есть сюрприз.

Прекрасно. Что на этот раз? Ещё один внезапный родственник? Новое правило, согласно которому игрушка обязана спать у ног хозяина? Я уже ничему не удивлюсь. Сердце ускоряется не от страха — от раздражающего предчувствия, что Чума опять решила превратить чужую жизнь в развлечение.

— Сегодня будет состязание, — объявляет она. — И у него есть приз. Тот, кто первым пересечёт финиш, освобождает от моей игры себя и свою пару. Никаких «игрушек», никаких хозяев. Свобода.

Двор мгновенно взрывается разговорами. Вот теперь сме-

ются уже не все. Для многих это не просто забава. Астарот, стоящий в стороне, едва заметно качает головой. Я встречаю его взгляд, но он не объясняет жест. Мими улыбается мне ободряюще: её отношения с Кристофером добровольны, зато она прекрасно понимает, что для меня этот приз значит совсем другое.

Одним движением Чума заставляет двор замолчать. Когда-то так же я поднимала руку в зале Осуждения — и сотни голосов обрывались по моему приказу. Теперь я стою в толпе и жду чужих правил. Неприятное ощущение. Я столько лет строила своё место рядом с Сатаной, а потом столько же мечтала вырваться из Ада и увидеть школу. И вот мне предлагают шанс вернуться. Первая мысль — схватиться за него. Вторая приходит следом, гораздо тише: *а разве не оттуда я столько лет пыталась сбежать?*

— Правила простые, — продолжает Чума. — До последнего рубежа проходите трассу командами. Потеряете кого-то — сами решайте, ждать или бросать. После бетонной стены каждый идёт за себя. Первый на финише получает свободу для себя и своей пары. Крылья запрещены. Нарушителей вышвырну с трассы лично.

Она отходит в сторону и щёлкает пальцами. Пространство за её спиной будто собирается из воздуха: высокий лабиринт, заросший ядовитым плющом, сеть световых лучей, гладкая бетонная стена и ещё несколько участков, скрытых за поворотом. По толпе проходит восхищённый гул. Я смотрю на

финиш вдали и чувствую, как внутри поднимается упрямство. Мне нужна эта победа. Хотя бы затем, чтобы доказать Чуме: меня нельзя удержать только потому, что ей так захотелось.

— А что будет с теми, кто придёт последним? — спрашиваю, скрестив руки на груди. Чума переводит на меня взгляд, а вместе с ней — половина двора.

— Ничего, — усмехается она. — Не получают свободу. Всё ведь предельно ясно. Или правила нужно повторить на языке, доступном исключительно советницам Сатаны?

Несколько учеников смеются. Я чувствую, как Астарот пытается поймать меня за запястье, но делаю шаг вперёд раньше. *Не вмешивайся, подстрекатель.*

— Тогда объясни другое, — говорю громче, чем собиралась. — Ты объявляешь это командным испытанием, но свободу отдаёшь одному. Разрешаешь бросать участников по дороге и называешь это «сближением». Где здесь твоя *гениальная* логика? И кто вообще решил, что тебе стоит доверить школу?

Смех обрывается. Кто-то ахает, кто-то прикрывает рот ладонью. А потом из задних рядов доносится почти неслышное: «Она права». Следом — торопливое: «Тише, Чума услышит». Чума слышит. Я вижу это по тому, как на мгновение исчезает её улыбка. Она развлекалась с учениками, пока они были зрителями. Я же только второй день здесь и уже заставила кого-то вслух усомниться в её правилах. *И кто то-*

гда здесь игрушка?

Астарот всё-таки хватает меня за запястье и резко разворачивает к себе:

— Ты в своём уме? — шипит он. — Закрой рот, пока она не закрыла его за тебя.

— Сам заткнись! — дёргаю руку на себя. — Почему вы все ей потакаете?

Ищу поддержки хотя бы у Мими. Сестра стоит рядом с Кристофером, поджав губы, и не двигается. На секунду это ранит сильнее, чем должно. Потом замечаю, как Кристофер едва заметно удерживает её за локоть. Не равнодушие. Осторожность. Здесь все явно знают о Чуме что-то, чего пока не знаю я.

— Почему они мне потакают? — Чума смеётся, но теперь в смехе меньше веселья. — Потому что, птенчик, я здесь главная.

Она идёт ко мне медленно, цокая каблуками по камню. Толпа расступается ещё шире. Сердце бьётся быстро, но отступать поздно — да и не хочется.

— Думаешь, тебе можно всё? — спрашиваю, наконец вырывая руку из пальцев Астарота.

Чума обхватывает моё лицо ладонью. Острые ногти впиваются в щёки. Она улыбается так близко, что я вижу мельчайшие складки у её глаз. Вокруг становится подозрительно тихо.

И пусть. Если уж меня решили выставить перед всей шко-

лой игрушкой, пусть хотя бы запомнят, что игрушка умеет кусаться.

— Ты ещё смеешь пререкаться со мной? — Чума сжимает пальцы сильнее. — В Аду твои подчинённые давно бы ползали перед тобой на коленях. Так почему же ты, птенчик, никак не научишься тому же?

Не отвожу взгляда. В Аду за подобное неповиновение действительно можно было исчезнуть в небытии. Но именно поэтому мне особенно мерзко требовать от себя покорности только потому, что роли поменялись.

— Твоя игрушка слишком много себе позволяет, — бросает Чума Астароту. — Даю тебе право её наказать. Чтобы в следующий раз сначала думала, потом открывала рот.

Астарот коротко смотрит на Чуму. Их взгляды встречаются всего на секунду, но этого достаточно, чтобы внутри неприятно кольнуло. Потом он кивает — без привычной ухмылки. Чума отпускает меня и возвращается на своё место, будто ничего не произошло.

— Хлоя, Люцифер, Донни и Мими — первая команда, — объявляет она. — Кристофер, Вики, Ади и Сэми — вторая. Ещё четверых отправим в третью.

Я сжимаю кулаки. Астарот снова касается моей руки, но на этот раз не удерживает — лишь на мгновение проводит пальцами по запястью и убирает ладонь. Мими тут же подлетает ко мне:

— Я помогу тебе дойти до стены, — шепчет она. — Но,

пожалуйста, больше не перечь Чуме. Её наказания всегда работают в обе стороны. Если она злится на тебя, достанется и Астароту.

Смотрю на сестру внимательнее. Значит, «игрушка» — не только право распоряжаться другим, но и общая ответственность. Удобная система: привязать двоих так, чтобы страх за второго оказался крепче любой цепи.

И как только я раньше этого не поняла?

— Астарот сегодня вне зачёта, — словно прочитав мой вопрос, добавляет Чума. — У него уже есть персональное поручение.

По двору проходит новый шёпот. Теперь всё окончательно перестаёт быть просто весёлой эстафетой. Двенадцать участников выходят к старту, но мне кажется, будто на кон поставили куда больше, чем одну красивую формулировку о свободе.

Полоса препятствий вблизи выглядит гораздо хуже. Лабиринт выше двух метров, световые нити пульсируют в воздухе, бетонная стена уходит вверх почти отвесно. Остальные ученики хотя бы тренировались здесь на практике. Я же большую часть жизни провела в кабинетах, залах суда и за столом переговоров. Силы у меня есть. Привычки применять их вот так — нет.

У стартовой линии снова замечаю Астарота. Он собирает часть длинных волос в небрежный пучок и смотрит на меня так, будто уже знает финал. И, Шепфа, почему ему вообще

идут эти чёртовы волосы? *Хлоя, не об этом сейчас.*

— Мисс...

Оборачиваюсь. Донни смотрит на меня с искренним восхищением и явно не понимает, как обращаться.

— Просто Хлоя, — улыбаюсь ему. — Рада снова тебя видеть.

— Взаимно. И... спасибо за Натали Бруно. Она счастлива, что получила шанс.

Он кивает в сторону девушки неподалёку. Натали машет мне рукой, и я отвечаю коротким жестом. Странно видеть результат собственного решения здесь, среди учеников, а не в бесконечной очереди душ у врат Ада.

— Мне жаль, что всё обернулось для вас так, — тихо добавляет Донни. — Полагаю, в Аду без вас сейчас не слишком спокойно.

Он прав. Без меня разбирательства у врат почти наверняка замедлятся, а застрявшие души будут цепляться за мир живых через сны и страх своих родственников. Я привыкла считать работу рутиной, но стоило оказаться далеко — и впервые стало ясно, сколько всего держалось на этой рутине.

— Если выиграте, скоро вернётесь и всё исправите, — говорит Донни. — Пусть победит сильнейший.

Он поднимает сжатый кулак. *Как же хочется верить тебе, Донни.*

Мими крепко сжимает мою руку и отпускает. Я закрываю глаза, вдыхаю прохладный весенний воздух и принимаю

стартовую стойку. Знал бы Сатана, чем сейчас занимается его советница. Наверняка смеялся бы первым.

— Не слишком рассчитывай на эту победу, куколка, — тихо говорит Астарот из-за ограждения.

— Угрожаешь?

— Предупреждаю.

Он на мгновение переводит взгляд на Чуму. Этого жеста я не успеваю понять: оркестр обрывается, к стартовой линии выходит один из её помощников.

— На старт! — выкрикивает он. — Внимание...

Внутри всё собирается в тугой узел. Не страх. Азарт. Я должна выиграть. Не ради красивого слова «свобода» и даже не ради возвращения в Ад — хотя бы ради права самой решить, куда мне возвращаться.

— Марш!

Клаксон режет воздух, и я срываюсь первой. Крики учеников быстро остаются позади. У входа в лабиринт пахнет мокрой землёй, зеленью и чем-то едко-металлическим. Ядовитый плющ покрывает стены густым ковром: резкое движение — и растение выпускает парализующий пар. Здесь скорость впервые становится врагом.

Я осторожно двигаюсь между зелёными стенами, но первый же поворот заканчивается тупиком. Листья плюща дрожат совсем рядом с лицом. Замираю. Мими за моей спиной замечает узкий проход слева, но Люцифер уже успевает нырнуть туда первым:

— Сюда! — коротко бросает он.

Мы идём за ним цепочкой. Донни придерживает ветви, чтобы они не задевали Мими, я контролирую расстояние до плюща. На секунду мелькает мысль: *а не ведёт ли нас Люцифер в ловушку?* Было бы вполне в его духе. Но впереди действительно оказывается свободный проход.

Уже почти у выхода слышу крик Мими.

— Иди дальше, Хлоя! — кричит Донни.

Я разворачиваюсь. Между нами быстро срастается зелёная перегородка. За ней вижу Мими — она уже оседает на землю, а вокруг лица клубится мутный пар.

— Донни!..

— Я останусь с ней! — успевает выкрикнуть он. — Иди!

Проход ещё открыт на ширину плеч. Я могу вернуться. Всего один шаг — и о победе можно забыть. Делаю его назад. В тот же момент Донни резко мотает головой, а ветви окончательно смыкаются между нами. Последнее, что вижу, — его ладонь на плече Мими. Мне буквально отдали шанс идти дальше. Теперь проиграть будет ещё страшнее.

Вылетаю из лабиринта и почти сразу упираюсь в следующую площадку. В воздухе натянуты тонкие световые нити. Одна касается края камня — и тот с сухим шипением темнеет. *Чёрт.* Обычная кожа такого не переживёт без долгой регенерации.

У ног замечаю россыпь зеркальных пластин. Понимаю замысел: лучи можно не «выключить», а перенаправить. Под-

нимаю одну пластину, ловлю ею свет и медленно смещаю отражение к стене. Получается. Несколько движений — и между лучами открывается узкий коридор. Прохожу боком, чувствуя жар возле плеча, и только на другой стороне позволяю себе выдохнуть.

Люцифера нагоняю у бетонной стены. Девять метров гладкой поверхности, ни одного выступа. Он раздражённо проводит ладонью по бетону. Я делаю то же и вдруг вспоминаю собственную огненную силу. Прижимаю пальцы к стене — бетон шипит и плавится, оставляя неглубокие выемки. Ладони моментально обжигает, зато появляется хоть какая-то опора.

Поднимаюсь медленно. Каждый новый захват приходится буквально выжигать. На середине стены руки начинают дрожать, носок срывается с едва заметной ямки, и сердце на секунду проваливается вниз раньше меня. Удерживаюсь. Снизу Люцифер уже повторяет мой способ — быстро, уверенно и, конечно, без единого комментария. *Вот же засранец.* Когда я добираюсь до верхнего края, пальцы горят так, будто я сунула их в печь.

— Можешь не благодарить, — выдыхаю, подтягиваясь наверх.

— За что? — Люцифер появляется рядом и лениво смотрит на мои обожжённые пальцы. — За то, что ты первой решила запечь руки в бетон?

— Ты повторил за мной.

— Я воспользовался бесплатной демонстрацией, советница. Не путай это с восхищением.

— Какая неблагодарная сволочь.

— А теперь каждый за себя, — усмехается он, кивая на финиш вдаль. — Постарайся хотя бы проиграть красиво.

Не успеваю ответить: Люцифер уже спрыгивает на другую сторону. — Я тебе это припомню! — бросаю вслед и начинаю спуск. Снизу крики толпы превращаются в далёкий гул. На миг ловлю взгляд Астарота. Он стоит у ограждения неподалёку от финиша и следит только за мной. Улыбки почти нет.

Спуск оказывается хуже подъёма. Руки дрожат, бетон крошится под пальцами. Добравшись до земли, едва успеваю перевести дыхание — впереди уже финишная прямая. Люцифер оглядывается через плечо, ухмыляется и ускоряется.
Ну уж нет.

Бегу из последних сил. Он спотыкается на неровности, теряет несколько шагов — и я вырываюсь вперёд. Финиш уже совсем близко. Ещё немного. Ещё несколько метров.

Лиана обвивает ботинок и резко дёргает назад. Падаю, закрывая лицо ладонями. Поднимаюсь почти мгновенно — и сталкиваюсь с Астаротом. Он оказывается передо мной слишком вовремя, чтобы это было случайностью.

— Пусти! — пытаюсь обойти его.

— Я предупреждал, куколка, — отвечает он и удерживает меня за плечи.

— Так это и было предупреждение? Ты знал, что она не даст мне выиграть?

Его взгляд на секунду уходит к Чуме. Она стоит у финиша и даже не делает вид, что собирается вмешиваться. Всё становится слишком очевидно.

— Мими наглоталась ядовитого пара, — тихо говорит Астарот. — Донни уже передал её целителям. Остановись.

— Не смей прикрываться моей сестрой! — дёргаюсь сильнее. За его плечом вижу Люцифера, который снова набирает скорость. — Отпусти меня, сукин ты сын!

Астарот ждёт ровно до тех пор, пока Люцифер не проходит мимо. Только тогда его пальцы разжимаются.

— Достаточно.

Люцифер пересекает финиш. Толпа взрывается криками, а я стою в нескольких метрах от линии и не чувствую ничего, кроме пустоты. Я была так близко. Донни остался с Мими, чтобы дать мне шанс. Я обожгла руки, прошла лабиринт, лазеры, стену — и проиграла на трассе. Меня остановили.

И всё же злость на Астарота оказывается страннее, чем должна. Он не выглядит довольным. Не шутит. Даже не пытается назвать произошедшее игрой. Это только сильнее бесит. Если выполняешь приказ Чумы — хотя бы имей смелость наслаждаться собственной подлостью.

Встречаюсь взглядом с директрисой. Вот она довольна откровенно. Я отворачиваюсь первой. Свобода снова остаётся красивым словом, которое кто-то другой выдаёт по своим

правилам. И вдруг вспоминаю неподвижный силуэт Мими за стеной плюща.

— Где Мими?

Кристофер подходит ко мне со стороны здания госпиталя. Лицо у него спокойное только на первый взгляд: челюсть напряжена, пальцы сжаты в кулак.

— В госпитале. Я только оттуда. Целители говорят, яд временный: паралич пройдёт, жизни ничего не угрожает.

Воздух наконец возвращается в лёгкие.

— А соревнование?

— Я снялся, как только узнал, — коротко отвечает он. — Ты бы продолжила бежать, если бы на её месте была Мими?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.